

Альберт ПАЙК

МОРАЛЬ И ДОГМА

ДРЕВНЕГО И ПРИНЯТОГО
ШОТЛАНДСКОГО УСТАВА
ВОЛЬНОГО КАМЕНЩИЧЕСТВА

II

Энциклопедия масонства

Альберт Пайк
Мораль и Догма Древнего и
Принятого Шотландского Устава
Вольного Каменщичества. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=437315

Альберт Пайк. Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава: Ганга; Москва;

2008

ISBN 978-5-98882-054-3

Аннотация

Книга «Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава» – основополагающий труд по истории и философии масонства как посвячительного Ордена, носителя мировой эзотерической традиции. Альберт Пайк – один из наиболее авторитетных масонских ученых всех времен, и его труд стал итогом многолетней работы по преобразованию и совершенствованию системы Шотландского Устава в США, а также лег в основу всех последующих масонских исследований в рамках данного Устава. Структурно книга «Мораль и Догма» воспроизводит систему масонского посвящения, поскольку изначально представляла собой цикл лекций, с которыми более опытные вольные каменщики обращались к посвященным в очередную степень. «Мораль и Догма» представляет собой путеводитель по практически всем основным мировым эзотерическим учениям и обществам от Мистерий Осириса и Исиды до современных Пайку неотаплированных. Книга «Мораль и Догма» впервые переведена на русский язык.

Содержание

Council of Kadosh	6
19	6
20	15
21	22
22	26
23	35
24	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Альберт Пайк
Мораль и Догма
Древнего и Принятого Шотландского
Устава Вольного Каменщичества
Том II
Подготовлено для Верховного Совета
Тридцать Третьего и Последнего
Градуса Южной Юрисдикции
Древнего и Принятого Шотландского
Устава для Соединенных Штатов
Америки и публикуется его властью**

Albert Pike, Grand Commander 33°

MORALS and DOGMA

of the Ancient and Accepted Scottish Rite of Freemasonry

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Council of Kadosh **Ареопар Рыцарей Кадош**

19

Grand Pontiff

Великий Понтифик (Великий Первосвященник)

Истинный Вольный Каменщик трудится на благо тех, кто придет после него и ради прогресса и процветания своего народа. Низменны и бедны те амбиции, которые охватывают только одну человеческую жизнь. Все, кто вообще заслуживает земной жизни, надеются пережить собственные похороны и продолжить жить скорее в тех добрых делах, которые они сотворили человечеству, чем в бледных и недолговечных буквах своего имени, столь скоро стирающегося в памяти людской. Большинство людей надеются оставить после себя плоды своих деяний, дабы в действительности пережить краткий срок, отпущенный для их собственной земной жизни и земной жизни всего их смертного поколения. Это врожденный инстинкт, заложенный в наши души – даже самые грубые и приземленные, – Самим Богом; это одно из ярчайших доказательств бессмертия души и явных различий между Человеком и даже самым образованным из подлецов. Сажать деревья, в тени которых будут отдыхать наши дети, так же естественно, как и наслаждаться тенью деревьев, посаженных нашими отцами. Неграмотный и опустившийся крестьянин, болезненно переживающий свою ущербность, самая бедная вдова, отдающая свою кровь и жизнь тем, кто платит только за работу иглы в ее руках, – непременно будут трудиться, не покладая рук, во всем себе отказывать, только бы дать своим детям образование, чтобы они заняли в обществе положение более высокое, чем их собственное, – таковы все благодетели человечества.

Только в своих делах и свершениях человек становится истинно бессмертен до всеобщего воскресения и Страшного Суда. Спартанка, которая, подавая сыну щит, приказала: «С ним или на нем!», – впоследствии стала правительницей Лакедемонии совместно с законодателем Ликургом, потому что она провозгласила закон, которому суждено было намного пережить ее саму; она вдохновляла на бой спартанских воинов, которые вскоре разрушили стены Афин, а потом вместе с Александром Великим покоряли Восток. Вдова, давшая Марион лук с пылающими стрелами для того, чтобы та подожгла ее собственный дом и в нем не могли укрыться враги ее молодой страны, тот дом, в котором она возлежала в объятиях своего супруга, в котором она родила своих детей, – эта вдова создала для своей страны более важный и мудрый закон, чем все Локки и Шефтсбери и чем все остальные законодатели после того, как ее страна обрела независимость.

Египетского фараона и монархов Ассирии и Финикии оставило совершенно равнодушными известие о том, что некий сын иудейки, принятый и воспитанный дочерью фараона Сезостриса-Рамзеса, убил египтянина, избивавшего раба-иудея, и бежал в пустыню, где оставался в течение сорока лет. Но Моисей, которому в противном случае суждено было стать правителем Нижнего Египта и о котором нам сейчас не было бы известно практически ничего, кроме его имени на пьедестале полуразрушенного памятника, стал спасителем народа Израиля, выведшим его из Египта и приведшим к границам Палестины, даровавшим ему Закон, из которого впоследствии выросла христианская вера, и тем самым определившим пути развития всего мира. И он, и законодатели древнего Рима, и Альфред Английский, и древние саксонские таны, и норманнские бароны, и судьи и писцы Средневековья, и созда-

тели старинных кодексов, имена которых затерялись в мутном тумане прошлого, – все они наши законодатели, и мы верны их законам.

Наполеон умер в изгнании на голых скалах острова Св. Елены. Его останки, перевезенные во Францию сыном короля, покоятся в Госпитале Инвалидов в великом городе Сиене. Но мысли его до сих пор правят Францией. Он, а не народ, сверг с престола Бурбонов и отправил последнего монарха из Орлеанского правящего Дома в изгнание. Он из своего гроба, а не народ, возвел на престол Наполеона ш путем всенародного голосования; и именно он, а не генералы Франции и Англии, направил объединенные силы против Северной диктатуры.

Магомет объявил арабским кочевникам-идолопоклонникам новую веру: *«Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет [как и Моисей, и Христос] – Пророк Его»*. Многие годы, сначала один, позже – с помощью своей семьи и новых друзей, еще позже – многочисленных учеников, и наконец огромной армии, он проповедовал учение Корана. Религия пламенного арабского проповедника, привлекавшая на свою сторону даже самые дикие племена великой пустыни, распространилась по всей Азии, возвела на престол сарацинские династии, завоевала Персию и Индию, Греческую империю, Северную Африку и Испанию, затем направив охваченные религиозным огнем полчища на завоевание великого христианского соседа – Европы. Закон Магомета до сих пор правит четвертой частью человечества, и турки, мавры, арабы, персы и индийцы почитают Пророка и совместно молятся, обратившись в сторону Мекки, и именно Пророк, который давно умер, а не правительства живых людей правит на Востоке.

Конфуций до сих пор властвует над умами в Китае, а в России Петр Великий. Платон и великие учителя древности до сих пор восседают на троне правителей в царстве Философии, подданными которого являются все высокоученые люди. Великие государственные деятели прошлого до сих пор председательствуют в правящих советах наций. Дух Берка все еще витает в Палате Общин, а громовые раскаты речей Беррье еще долго не умолкнут в стенах французского Законодательного Собрания. Противоречащие друг другу мысли и противоборствующие влияния Уэбстера и Калхауна до сих пор раздирают на части Соединенные Штаты, и для сторонников каждого из этих деятелей его слова – это оракул, вещающий из Святой Святых, и истина в последней инстанции, освященная пушечным громом и пролитыми потоками крови.

В свое время было мудро сказано, что, когда Тамерлан возвел свою знаменитую пирамиду из пятидесяти тысяч человеческих черепов и выехал во главе неисчислимых полчищ из ворот Дамаска на поиски новых завоеваний, чтобы возводить новые и новые пирамиды из человеческих черепов, на улице города Майнца играл маленький мальчик, сын бедного ремесленника, значение личности которого по сравнению с Тамерланом казалось в то время подобным песчинке по сравнению с земным шаром; но Тамерлан и все его кровожадные полчища, точно буря, пронесли по Востоку, повсюду сея смерть и разрушение, и пропали, точно их никогда и не было, в то время как печатный станок Иоганна Фауста¹ – тогда еще маленького мальчика – оказал большее влияние на судьбы человечества и опрокинул больше тронов, чем все кровопролитные войны всех завоевателей от Нимрода до Наполеона.

Много веков назад великий Храм, возведенный в Иерусалиме Царем Соломоном и нашими древними братьями, был разрушен, когда город захватили ассирийские войска. Святой город ныне представляет собой горы руин под знаменем Полумесяца, Святая Земля – голую пустыню. Правители Египта и Ассирии, правившие одновременно с Соломоном, исчезли со страниц истории, и все рассказы о них сводятся к народным сказкам и преданиям. Древний Восток сейчас представляет собой поле археологических раскопок, развалины на окраине великой временной шкалы. Волки и шакалы воют среди развалин Фив и Тира, а изображения вавилонских и ниневийских правителей вырубает из стен храмов и дворцов и увозят в иные страны, где выставляют в музеях. Но в то же время незаметный и мирный

Орден, Великим Мастером которого – совместно с Царями Израильским и Тирским – в свое время был сын нищей финикийской вдовы, продолжает развиваться и наращивать свое влияние в мире, невзирая на бурные волны океана Времени и жестокие преследования. Время не сотрясло его прочный фундамент, не сломило его колонны, не исказило гармонию его величественных пропорций. Там, где во времена Соломона грубые варвары осваивали враждебные и негостеприимные леса и долины Франции и Англии, и даже в Новом Свете, неизвестном в древности ни иудеям, ни язычникам, когда слава древнего Востока угасла, этот Орден возвел новые Храмы и с тех пор наставляет тысячи своих новых посвященных в тех же законах мира, доброй воли и терпимости, доверия Божественному Провидению и своему ближнему, в которых наставляли Мастера Учеников, когда иудей совместно с гиблемитом трудились на склонах горы Ливанской, а верующий в Иегову и верующий в финикийского Бэла сидели бок о бок в Совете Иерусалимском.

Миром правят мертвые. Живые лишь повинуются им. И если душа способна после смерти человеческого тела видеть происходящее на Земле и следить за преуспеванием тех, кого она любила в земной жизни, наверное, самое большое счастье для нее – видеть, что добрые дела, свершенные ей, растут и ширятся с течением времени, подобно ручьям, сливающимся в полноводную реку, и приводят к улучшению жизни отдельных людей, семей, государств и всего мира в целом; а самое большое горе для нее, наверное, – видеть, что злые ее поступки до сих пор приносят горе и беды живым спустя много лет после того, как сама плоть ее земного тела превратилась в прах, а имя и дела его стерлись из памяти людей.

Нам неведомо, кто из великих мертвецов управляет нашими судьбами. Вселенский род человеческий неразрывно связан этими влияниями и привязанностями, которые в высшей степени четко определяют его судьбы. Человечество – единое существо, а отдельный человек – всего лишь одна из его клеток. Все сказанное, сделанное, помысленное давно умершими людьми в прошлом создает некую модель, охватывающую нас своими принципами и управляющую нашим поведением. Мы действительно принимаем свою веру такой, какой завещали ее нам великие властители дум прошлого, и перед их авторитетом разум наш бессилен.

Мы были бы готовы заключить или расторгнуть практически любой договор, но между нами и нашими возможными поступками нерушимой стеной стоят законы, заповеданные нам древними английскими судьями и живущие и поныне, когда сами эти судьи уже много веков назад истлели в земле. Мы бы раскинули границы своих владений там, где это было бы угодно нам самим, однако законы, принятые английским парламентом при Первом или Втором Эдуарде и с тех пор прошедшие неизменными сквозь века, запрещают нам столь бесконтрольно претворять в жизнь свою эгоистичную волю. Мы бы с радостью воспользовались тем или иным своим преимуществом, но закон, установленный каким-то древним римским сенатором еще до Юстиниана или самим великим Цицероном, лишает нас этого преимущества или настолько ограничивает возможности воспользоваться им, что оно практически исчезает. То нам запрещает Моисей, это – Альфред. Мы бы с радостью продали свою землю; но заповедь нашего отца или деда, или еще какого-нибудь дальнего предка, зафиксированная на подверженной тлению бумаге, запрещает нам это, точно рука мертвеца высовывается из могилы и осуждающе грозит нам пальцем. Стоит нам только собраться согрешить или ошибиться, как тут же слова нашей давно умершей матери, сказанные нам в детстве и тут же растаявшие в воздухе, прочно забытые нами на долгие годы, неожиданно всплывают в нашей памяти, с неодолимой силой удерживая нас от необдуманного поступка.

Так мы повинuemся мертвым, и так живые будут повиноваться нам в печали и радости, когда нас не станет. Мысли прошлого – это законы настоящего и будущего. Все, что мы говорим и делаем, не имеет никакого значения, если плоды этих мыслей и деяний не переживут нас на Земле. Единственные мысли, достойные обдумывания, единственные дея-

ния, достойные осуществления, – это те, которые будут жить и после нашей смерти, войдя, таким образом, в великий свод Законов Мертвых. Стремиться к тому, чтобы сделать нечто, воздаяния за что не будет при жизни, а только после смерти, когда нам уже все равно, – вот высочайшее стремление, на которое только может оказаться способен человек.

В этом должно быть стремление каждого истинного и верного масона. Зная неспешность, с которой Господь производит все великие перемены на Земле, он не может и не должен надеяться посеять семена и собрать урожай в течение одной своей земной жизни. Неизбежная судьба и высочайшее предназначение великих праведников мира сего, за редкими исключениями, состоит в том, чтобы сеять семена, всходы которых пожнут их далекие потомки. Творящий добро только ради того, чтобы быть за это вознагражденным, материальными ли благами, благодарностью ли, славой ли, – подобен ростовщику, отдающему деньги в долг, чтобы потом ему их вернули с процентами. А вот если «награда» за благие деяния состоит в клевете, насмешках, общественном порицании, ненависти или, в лучшем случае, тупом безразличии или холодной неблагодарности, – то это естественно, а посему не беда, ибо наверняка найдется хоть один человек, которому хватит ума оценить благое дело и поблагодарить и восславить благодетеля человечества, не сразу – так потом. Он останется в веках, будет великое и таинственное Будущее помнить его имя или забудет навеки.

Мильтиаду повезло именно потому, что его отправили в изгнание, а Аристиду – потому, что его подвергли остракизму, ибо согражданам его надоело именовать его Справедливым. Повезло и Спасителю; не повезло только тем, кто отплатил Ему за неоценимый Его дар всему человечеству и за жизнь Его, проведенную в трудах и наставлении народа ради его же блага, распятием на кресте вместе с разбойниками. Палач умирает и гниет в земле, и спустя много лет люди произносят его имя с отвращением, но самими своими делами он делает славной и бессмертной память своих жертв.

Масон, принесший благо своей стране и своему народу, должен заранее рассчитывать если не на преследование и клевету, то на равнодушие и безразличие тех, чьего блага он взыскует и от кого ожидает такой же заботы о благе друг друга. Обычно Истина завоевывает сердца людские гораздо медленнее, чем растет дуб, кроме тех случаев, когда сознание людей претерпевает кардинальные изменения в назначенное время, когда приходит новый великий Пророк и Спаситель и сверхъестественные силы заставляют расти и бурно развиваться новую религию; посему всякий сеятель просто не может и не должен надеяться стать и жнецом. У Спасителя на момент Его земной смерти было двенадцать учеников, из которых один предал Его, а один отрекся от Него. Для всех нас достаточно должно быть того лишь точного знания, что плоды появятся в нужное время. Ни в коей мере не должно нас волновать, кто и когда соберет их. Наше дело – сеять семена добра. А уж дело Господа – наделять плодами тех, кого Он сочтет достойными их, и если не нас, то тем более славны наши дела.

Сеять, чтобы другие сжали, трудиться ради тех, кто будет населять Землю спустя века после нашей смерти, творить ради будущего, тем самым продлевая свою собственную жизнь, царить в умах еще не родившихся людей, благословлять дарами Истины, Свободы и Света тех, кто так никогда и не узнает имени дарителя, не заботиться о внешнем блеске усыпальницы своего брэнного праха, – вот предназначение истинного масона и вообще любого праведного человека.

Все величайшие и благие процессы в природе протекают крайне медленно и почти незаметно, шаг за шагом. Только разрушение и уничтожение подобны бурям. Извержение вулкана и землетрясение, торнадо и лавина внезапно набирают полную и жестокую силу и наносят свои страшные удары. Везувий за одну ночь похоронил под слоем пепла Помпеи и Геркуланум; весь Лиссабон пал ниц пред Господом через миг после того, как земля сотряслась в первый раз; целые альпийские деревни лавины стирают с лица земли за один миг; целые огромные леса торнадо вырывает с корнем и переносит на многие мили. Эпидемии

уничтожают тысячи людей за один день; шторм за один час покрывает побережье осколками погибших кораблей.

Посох пророка Ионы пророс и зацвел за одну ночь. Но много веков назад в Англии, задолго до того, как норманнский завоеватель наступил кованым сапогом на горло простертого на земле сакса, некий неизвестный странник-варвар, житель этого никому еще в мире не известного острова в Северном море, просто от нечего делать, закопал в землю желудь, – и пошел дальше, неведомо куда и зачем, чтобы навеки исчезнуть в таинственной пелене прошлого. Потом он умер и был всеми позабыт; а желудь, между тем, продолжал лежать в земле, и внутри него, во тьме, продолжала действовать огромная скрытая сила. Со временем из него выстрелил нежный побег, который питался светом и теплом Солнца и влагой утренней росы; потом появились первые тонкие листочки, которым суждено было выжить и вырасти, потому что так случилось, что ни олень, ни дикий бык не сжевали их и не смяли своими копытами. Шли годы, и побег превратился в молодое деревце, регулярно теряющее листья осенью и покрывающееся новыми листьями весной. А годы все шли и шли, и вот уже Вильгельм – норманнский бастард, завоевал Англию и разделил ее между своими баронами, а молодое деревце все так же росло и все так же питалось утренней росой, а птицы строили в его ветвях гнезда для своего потомства на протяжении многих своих недолговечных поколений. А годы все шли и шли, и в его тени прилег отдохнуть одинокий дикий охотник, и Ричард Львиное Сердце приступом взял Акру и Аскалон, и горделивые и отважные бароны вырвали у Иоанна Безземельного Великую Хартию Вольностей, но чу! наше деревце превратилось во взрослое дерево, и распростерло свои ветви далеко в стороны, и вознесло свою вершину еще выше, еще ближе к небесам; оно протянуло свои корни глубоко к центру земли, чтобы твердо и прочно стоять посреди всех бурь и штормов, бушующих в его ветвях; и когда Колумб бороздил неведомые просторы Западной Атлантики, и когда Кортес купал в крови святой крест, и когда гугеноты, пуритане, кавалеры и последователи Пенна искали мира и покоя за океаном, – великий дуб продолжал стоять, нависая над всем лесом, могучий, высокий, прочно укоренившийся, гордый, не замечающий века, с огромной скоростью проносящиеся мимо него с тех самых пор, как странник-варвар зарыл в землю один-единственный желудь; он превратился в гигантское старое дерево, покрывающее тенью своей кроны огромное пространство, а древесины его хватило бы для постройки целого флота, готового пронести пушки великой новой республики по всем морям мира в огне и дыму залпов. И тем не менее, если бы кто-нибудь уселся перед первым пробившимся из земли к свету побегом и непрерывно следил бы за его ростом вплоть до тех самых пор, когда орлы свили гнезда в недосыгаемой дубовой кроне, – он не сумел бы заметить, как *растет* это дерево.

Много долгих веков назад, еще до того, как халдейские волхвы увидели в небе путеводную звезду, а Хуфу возвел величественные пирамиды, можно было проплыть в лодке среди всего лишь семидесяти четырех в то время островов, которых сейчас тысячи в Индийском океане, и казалось, что у океана там вообще нет дна. Однако в то же время под волнами океанической поверхности существовали мириады и мириады – количества, непостижимые для арифметики, – живых существ, каждое из которых было совершенно, каждое из которых было сотворено Всевышним для исполнения той задачи, которую Он предписал ему. Все эти существа неустанно трудились под водой над исполнением каждого – своей части великого труда, истинная цель которого была ведома только Богу, как и сроки его исполнения. И они трудились и умирали, неисчислимы по общему количеству и тем более – по числу поколений, каждое принося свою долю в величайшее предприятие Господнего свершения. Ибо таким образом Он решил создавать континенты и острова, и именно так живут и умирают кораллы, из мертвых скелетов которых состоит платформа, на которой покоится долина Огайо.

Господь решил творить. Там, где сейчас суша, в свое время бурлил и ревел мировой океан. Многие тысячелетия в его глубинах жили и умирали мириады крошечных инфузорий, скелеты которых опускались после их смерти на дно и там, под давлением водных слоев, слеживались и превращались в известняк. Постепенно их залежи поднимались волей Всевышнего из неизмеримых глубин, ложась в основание всех континентов и островов, толщина основания которых составляет тысячи и тысячи футов, а мы на этих мириадах трупов древнейших инфузорий строим храмы и усыпальницы, как делали и египтяне, которых мы называем древними.

С поверхности всех морей и озер, на которые с одинаковыми любовью и заботой взирает Солнце, поднимаются ему навстречу невидимые водные пары. Ничей глаз, кроме Божьего, не способен разглядеть их. Там, в высших слоях атмосферы, они конденсируются в туман и собираются в облака, отправляющиеся в неизбежное путешествие по небу. Они несутся по небу по воле ветра над бурными океанами и величественными горными склонами. Еще больше сжимаясь под действием перепадов температур, они изливаются на землю ласковым дождем, или обильным ливнем, или страшной экваториальной бурей. Дождь, ливень или буря проходят, и снова звезды загораются на безоблачном небе, освещая благодарную, утолившую жажду землю. Дождевые же капли собираются в подземные полости, вытекают подземными ручейками в подземные реки и изливаются на земную поверхность гейзерами или ключами; и с горных склонов и из плодородных долин они серебряными струями устремляются в свой долгий путь к океанам. Сливаясь с другими ручейками, они вырастают в ручьи и каналы, и наконец в реки, подобные Нилу, Амазонке, Ганге, Дунаю или Миссисипи, которые вальяжно и горделиво текут в своих руслах, питая плодородные долины, становящиеся житницами человечества, перенося на своих волнах тяжелые суда по торговым путям, или же служа естественными границами, непреодолимыми для враждующих народов; затем эти капли, которые океан отправил ввысь в виде капель пара, которые затем возвратились на землю в виде дождя или снега, выпавших на поля или горные долины, возвращаются в объятия океана, чей величественный прилив снова набухает ими, неустанно набегая волнами на берег.

Так же и с делами рук человеческих. Подобно тому, как соединяются между собой в туман капли невидимого водного пара, чтобы в виде дождя выпасть на жаждущие континенты, благословляя влагой и жизнью величественные зеленые леса, обширные травянистые прерии и колосющиеся поля – людские житницы; как сливаются воедино неисчислимые капли влаги, выпиваемые землей, для того чтобы образовать глубокие и широкие реки, разрушающие горы и возвышающие долины, питающие моря и океаны, – так и все мысли, слова и дела человеческие, все то, что человек думает, говорит, делает или испытывает на протяжении своей земной жизни, сливается воедино и одним глубоким и широким потоком течет вперед во времени, к той великой и единой цели, которая поставлена перед всем человеческим родом Творцом.

Мы строим медленно, но быстро разрушаем. Наши древние братья, строители Иерусалимского и других храмов, великими трудами и многократно повторенными усилиями валили, распиливали и разрубали ливанские кедры, вырубали, обрабатывали и шлифовали камни в каменоломнях, вытачивали причудливые орнаменты, которым суждено было украсить эти храмы. Камень за камнем, совместными тяжелыми трудами всех Учеников, Подмастерьей и Мастеров, росли их стены; медленно, постепенно покрывали здание своды крыши; и только много лет спустя после начала строительства здания оказывались готовы, обставлены и должным образом украшены для вознесения в них молитв Господу, и сияли они неземным блеском под ярким Солнцем и голубым небом Палестины. Так их возводили. Но один лишь факел, брошенный невежественным и подлым ассирийским копейщиком или пьяным римлянином или готом – воином Тита – в силу сиюминутного порыва грубого разру-

шительного ража, – и вот уже без всякого дальнейшего участия человека, всего за несколько часов, прекрасный храм превращался в груды черных дымящихся развалин.

Будь поэтому терпелив, брат мой, и жди! *Человек предполагает, а Бог располагает.*

Посему никогда не уставай творить добро и не устраняйся от этого жребия! Никогда не обижайся на людское равнодушие, не злись на людскую суетность, не страдай от людского безразличия! Не беспокойся о собственном вознаграждении и о результатах своего труда; знай только, что нужно делать именно тебе, и делай это, а о результатах пусть заботится Бог! Воин Креста! Рыцарь Справедливости, Истины и Терпимости! Праведный, истинный Рыцарь! Будь же терпелив в своих трудах!

«Откровение» Иоанна, эта высшая каббалистическая и пророческая квинтэссенция всех мировых оккультных учений, подразделяет следующие чередой образы на три седмицы, в конце каждой из которых в Небесах воцаряется тишина. Снимаются семь печатей, познаются семь таинств, преодолеваются семь препятствий, звучат семь труб ангельских и осушаются семь чаш.

«Откровение...» предназначено для тех, кто посвящен в девятнадцатый градус, чья вера – только в Бога, это апофеоз Высшей Религии, отвергающей все дела и таинства Люциферовы. Люцифер – *Светоносец!* Странное и таинственное имя Духа Тьмы! Люцифер – сын утренней зари! *Он* ли – носитель *Света*, который слепит и отупляет слабых, чувственных эгоистов? И не сомневайся! Мировые традиции полны Откровений и Вдохновений, причем они не ограничиваются рамками какой-либо одной религии. И Платон, и Филон получили Откровение свыше.

«Откровение...» – книга, не менее сложная для понимания, чем «Зогар».

Она написана иероглифами цифр и образов, и апостол в ней не раз и не два призывает посвященных постигать ее внутренний смысл силой своего разума. «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя», – пишет он, подразумевая необходимость тщательного изучения и постижения таинственной аллегории. Св. Иоанн, возлюбленный из апостолов, хранитель всех секретов и таинств Спасителя, писал отнюдь не для толпы, не для основной массы своих современников.

«Сефер Йецира», «Зогар» и «Откровение...» являются наиболее характерными литературными образцами чистого оккультизма. В них больше смыслов, чем слов; их строки образны, как поэзия, и точны, как математика. «Откровение...» подводит итог, завершает и превосходит все науки Авраама и Соломона. Видения Иезекииля при реке Ховаре и видение нового символического Храма, выраженные в практически одинаковых мистических образах и окутанные числовым значением каббалистической доктрины, так же мало понятны комментаторам священных текстов, как и символизм масонства – непосвященным.

Седмица – это Венец всех чисел, поскольку в ней Триада, Треугольник Идеи, соединяется с Квадратом Формы.

Чем больше иерофанты древности прилагали усилий к тому, чтобы сокрыть от глаз непосвященных свою тайную Абсолютную Науку, тем больше они изобретали прекрасных и величественных символов. Их гигантские пирамиды с квадратными основаниями и треугольными стенами олицетворяли их метафизику, основанную на понимании законов Природы. Ключом к пониманию этого символизма, проистекающего из глубокого знания Природы, был Сфинкс, наполовину засыпанный песками пустыни и не отрывающий пристального взгляда каменных очей от подножия пирамид. Семь великих памятников древности, известные нам под названием Семи чудес света, – это самые полные и подробные комментарии на семь осей великих пирамид и семь фиванских врат.

Семеричная философия Посвящения у древних народов может быть сведена к следующим положениям.

Три великих Абсолютных Принципа суть Один Принцип; четыре изначальные формы суть одна форма; все они составляют Единое Целое, сочетающее в себе Идею и Форму.

Три великих Принципа суть следующие:

1° – Бытие есть.

В философском смысле, единство Идеи и Бытия, или Реальности; в религиозном смысле, первый принцип – Отец.

2° – Бытие реально.

В философском смысле, единство Познания и Бытия, или Реальности; в религиозном смысле, платоновский Логос, *Демидург*, Слово.

3° – Бытие логично.

В философском смысле, единство Разума и Реальности; в религиозном смысле, Провидение, Божественное действие, посредством которого реализуется Благо, именуемое в христианстве Святым Духом.

Единство всех семи цветов радуги в *белом* цвете является аналогическим символом **Блага**; их полное отсутствие в *черном* является аналогическим символом **Зла**. Первичных цветов существует три: *красный, желтый и синий*; вторичных – четыре: *оранжевый, зеленый, голубой и фиолетовый*. Все их Бог заключил в радугу, видимую человеческим глазом; аналогии их встречаются в нравственном и интеллектуальном мирах. То же самое число 7 постоянно встречается в тексте «Откровения...». Оно состоит из *трех* и *четырех*. Эти же числа встречаются в описании семи заключительных сефирот: их тоже три – **Милость, Справедливость и Красота**, – и четыре: **Победа, Слава, Сила и Власть**. Также число три соответствует трем *высшим* сефирот – *Кетер, Хохме* и *Бине*, то есть Воле, Мудрости и Пониманию, которые вместе с *Даат*, то есть Мыслью, также составляют число 4. *Даат* не считается ни сефирой, ни действующим, активным Божеством, ни силой, ни энергией, ни Божественным свойством, но лишь Божественным действием.

Сефирот в Каббале постоянно преподносятся как составляющие форму человека – **Адама Кадмона** – или **Макрокосм**. При такой подаче расположения Божественных эманации трижды доказывается Божественный закон Равновесия. Таким образом, единство Божественной разумной, деятельной, мужской **Энергии** и пассивной **Способности** порождать Мысль порождает сам акт **Мышления**. Из единства **Милости** и **Суровости** проистекает **Гармония**; а из единства **Победы**, или вечного **Преодоления**, и **Славы**, которая своим также вечным характером, казалось бы, противостоит самой идее возникновения каких-либо препятствий и противоположностей, проистекает **Сила**, или **Постоянство**, которое является совершенной **Властью** бесконечной Воли.

Девять сефирот проистекают из десятой, точнее, первой – *Кетер*, или **Венец**, – и одновременно оказываются включенными в нее. И точно так же каждая последующая из сефирот проистекает из предыдущей, при этом оставаясь включенной в нее. Воля Господня *включает* в себя Его Мудрость, а Его Мудрость *является* развитием и действием Его Воли. Эта Мудрость и есть Логос, неверно понятый и персонифицированный Симоном Волхвом и его последователями-гностиками. Посредством произнесения его Слова, а точнее, звука, выраженного буквой Йод, – Он творит миры, сперва в Своем разуме, в виде идей, которые затем приобретают форму, становясь материальным миром, материальной Вселенной. **Йод** и **Хей** – две буквы Неизрекаемого Имени Проявленного Божества – представляют собой символы Мужского и Женского, Активного и Пассивного Первопринципов, пребывающих в равновесии, а буква **Вав** венчает каббалистическую Троицу и троебуквенное Имя Господне **יהו**, Божественный Треугольник, который при удвоении буквы **Хей** превращается в священный Тетраграмматон.

Таким образом, в сефирот содержатся все священные числа *три, пять, семь* и *девять*, а также число Совершенства – *десять*. Также они соотносятся с пифагорейским Тетрактисом.

Бытие есть бытие – אֵלֹהִים אֵלֹהִים – «эхье ашер эхье», – это первый принцип – **Начало**.

В начале было – то есть **было, есть и будет** – Слово, то есть **Разум Говорящий**. *Εν αρχῇ ἦν ὁ Λόγος!*

Слово является основанием веры, но оно также является выражением веры, пробуждающим к жизни науку. Слово, Логос – это источник логики. Иисус – это Слово Воплощенное. Равновесие и единство разума и веры, знания и верования, власти и свободы в наше время стало настоящей загадкой Сфинкса.

Именно Мудрость в каббалистической книге Притчей и у Екклесиаста именуется действующим орудием Божественного Творения. В других местах иудейского Писания она именуется דָּבָר יְהוָה – «давар Яхве» – Слово Божье. Именно в Своем изреченном Слове Господь открывается нам, не только в видимом, но и в невидимом, но постижимом мире, в наших убеждениях, в нашей совести и наших инстинктах. Поэтому многие верования носят все-ленский характер. Вера всех людей мира в благо Бога привела к зарождению веры в дьявола, в падшего *Люцифера-Светоносца*, Сатану (Шайтана) – Противника, Аримана и Тифона, чьи образы должны были помочь человеку разобраться в причинах появления и существования Зла и соотнести их с понятиями Всемогушества и Беспредельных Мудрости и Милости Господа.

Ничто не сравнится и ничто не способно превзойти в качестве квинтэссенции и завершения всей философии древнего мира короткую фразу, начертанную **Гермесом** на камне, названном впоследствии *Изумрудной скрижалью*: единство бытия и единство гармоний, восходящих и нисходящих, последовательность и пропорциональность Слова; неизменный закон Равновесия и пропорциональное соотношение всех аналогий этого мира, соотношение Идей и Слова, мера и суть взаимоотношений между Творцом и Его тварным миром, математические измерения Бесконечности, проверяемые измерениями одного лишь угла в материальном, конечном мире, – все это нашло выражение в единственном тезисе великого египетского иерофанта:

«Что наверху, то и внизу; и что внизу, то и наверху, и в этомчудо Единства».

20

Grand Master of All Symbolic Lodges **Великий Мастер Всех Символических Лож** **(Пожизненный Мастер, или Мастер Ad Vitam)**

Истинный масон – это всегда практикующий философ, который при помощи религиозных символов, во все века служивших орудиями познания, вычерчивает на досках Природы и Разума контуры нравственного здания Мудрости. В симметричных соотношениях всех частей и элементов этого здания Мудрости он должен обнаружить принципы и правила всякого своего долга, каждой обязанности, источник всех своих удовольствий и радостей. Он совершенствует свою нравственную природу, становится лучшим человеком, чем был, а в воссоединении людей добродетельных, собравшихся с чистой душой и открытым сердцем, видит средство творить новые и новые добрые дела. Масонство и философия, хотя они суть не одно и то же, обладают одной и той же целью и видят свое предназначение в одном и том же: в поклонении Великому Архитектору Вселенной, познании и постижении чудес Природы и обретении человечеством счастья посредством творения ими самими блага и вспоможения также и другим его творить.

Твой долг в качестве Великого Мастера Всех Символических Лож состоит в том, чтобы возвратить масонство к идеалам его первоначальной чистоты. Ты стал наставником. Масонство долго блуждало во тьме заблуждений. Вместо того чтобы совершенствоваться, оно ушло от своей изначальной простоты, превратившись в систему, изуродованную человеческими глупостью и невежеством, которые – не в силах сотворить хорошую машину, – создали машину сложную и посчитали это достаточным. Менее двухсот лет назад административная организация Ордена была проста и абсолютно нравственна, его символы, аллегории и ритуалы были просты для понимания, а цели и задачи находились буквально на виду у всех. В то время система его ограничивалась крайне немногим числом градусов. Конституции его были теми же, что и у сообщества ессеев в первом веке нашей эры. В то время масонство представляло собой, по сути, организационную структуру ранних христиан или пифагорейское сообщество, однако, лишенное всех несообразностей и противоречий, характерных для настоящей древней школы Пифагора; в то время масонство было значимым и простым, не требовавшим от своих посвященных излишне напрягать разум для того, чтобы обнаружить более или менее подходящее толкование для очередного символа или ритуала; это было масонство одновременно религиозное и философское, достойное доброго гражданина и просвещенного филантропа.

«Обновители» и «реформаторы» отринули эту изначальную простоту. Невежество немедленно приступило к созданию все новых и новых градусов, а суеверия и суетность, ложная таинственность, страшный абсурд бессмысленных церемоний силой заняли место масонской Истины. В мирном Масонском Храме начали рассказывать жуткие истории о страшной мести, среди его эмблем появились кинжал и окровавленная отсеченная голова, причем символическое их значение так и не было окончательно разъяснено всем и каждому. Страшные клятвы, до смешного не соответствовавшие раскрываемым тайнам, сначала повергали кандидатов в ужас, а затем становились для них смешными и ничего не значащими. Кандидата также подвергали испытаниям и ритуальным действиям, которые, происходи они в действительности, были бы просто отвратительны, – но поскольку все они происходили фигурально, символически, они впоследствии также вызывали у новопосвященных лишь оскорбительный смех и издевательства. В общей сложности, было изобретено более восьмисот градусов, в которых под маской масонства учили чему угодноязычеству, иезуит-

ству... Ритуалы даже самых уважаемых градусов, искаженные и перевернутые невеждами, становились бессмысленными и пошлыми; их слова настолько искажались профанами в масонских запонах, что некоторые из них мы так никогда уже и не восстановим – просто не сумеем. Кандидаты обязаны были подвергать себя унижениям, с которыми никогда и ни за что не смирился бы никакой человек с душой и чувством долга.

Поэтому так и вышло, что практически большинство градусов Древнего и Принятого Шотландского Устава, а до него – Устава Усовершенствования, впали в ничтожество, – их просто передавали кандидатам путем коммуникации или ритуалы их были коротки и мало-значительны, – и постепенно умерли. Эти Уставы напоминали так хорошо известные нам старинные графские и баронские замки, разные крылья и стены которых были построены в разное время, по различным архитектурным планам и в соответствии с различными вкусами архитекторов и заказчиков, так что здания целиком в настоящее время выглядят эклектичными и безвкусными. Иудаизм и рыцарство, суеверия и философия, филантропия и бессмысленная страшная ярость и жажда мести, чистая нравственность и возвышенные идеалы и жестокое беззаконное мщение, – все они, как ни странно, прекрасно сочетались в тогдашнем масонстве и стояли рука об руку в Храме Мира и Согласия; вся система тогдашнего масонства была громоздким сочетанием несочетаемого и совмещением несовместимого, контрастов и противоречий, фантастических, шокирующих преувеличений и передержек, отвратительных для хорошего вкуса, а также и отличных философских построений, искаженных и перекрытых, однако, абсурдной демагогией, порожденной невежеством, фанатизмом и отвлеченным мистицизмом.

Пустое и бесчувственное великолепие, которое не имело смысла поддерживать далее, не несшее и не могшее нести в себе никакого смысла; бесконечные отвлеченные толкования символов и ритуалов, или содержавшие одни лишь банальности, или наоборот, нуждающиеся сперва в переводчике на нормальный, понятный язык, а затем – в опытном толкователе; высокие титулы, присваивавшиеся людьми самим себе, причем изобретатели их отнюдь не снисходили до объяснения такой своей причуды – без всякого права присвоить себе титул, власть и права знатного дворянства, – все это вызывало смех и стыд посвященного за то, что он поддался искушению войти в такое сообщество.

Некоторые из этих титулов мы сохранили в нашем Ордене, однако, в нашем случае, они ни в чем не противоречат нашему всеобщему братскому духу равенства, являющегося основанием и неизменным законом масонства. *Рыцарь* в нашем понимании – это тот, кто готов, ни секунды не раздумывая, отдать руку свою, свое сердце, свой ум учению масонства и провозгласить себя воином, принесшим присягу Истине. *Князь* – это тот, кто желает стать *вождем, принцем, первым* среди равных, *лидером* во всех благих и добродетельных делах. *Державным* считается среди нас тот, кто – среди равных ему Великих братьев – является Верховным, в силу того лишь, что он следит за соблюдением Конституции, которая одна для всех и которой он подчиняется наравне со всеми прочими. Титулование братьев *Весьма Могучими, Мудрыми, Великими* и *Достопочтенными* указывает на необходимость обретения теми, кого доверие братьев облекло различными полномочиями, стремиться к обретению мощи, даруемой Мудростью, Разумом и Добродетелью. Остальные же наши титулы имеют эзотерическое значение, полностью соответствующее принципам равенства и скромности, каковые носящие их братья отлично и полностью понимают и разделяют. В качестве Достойного Мастера своей ложи ты обязан наставлять ее братьев, ищущих высших градусов или избираемых или назначаемых на офицерские места в символической ложе, что эти принципы в действительности лежат в основе множества нравственных уроков, которые они должны преподавать сами себе, а не являются просто пустым подражанием тем временам, когда знать и клир правила толпой безоговорочно подчинявшихся им рабов; что в масонстве и Рыцари, и Понтифики, и Князья, и Державный Командор, – это всего лишь первые среди

равных; а лента, запон, прочие облачения – это символы и эмблемы добродетелей истинного доброго масона, – и более ничто.

Ныне масон не преклоняет колен ни для передачи прошения или получения ответа на него, ни перед другим масоном, который стоит якобы «выше» него в масонской иерархии, ибо сейчас в масонстве все снова равны и колени мы преклоняем пред одним лишь Господом, Чьего вспомоществования мы ищем во всех начинаниях наших и у Кого просим сил сдерживать принесенные нами торжественные обязательства. Никого не может унижить преклонение колен пред алтарем при приношении клятвы Господу или при получении рыцарского посвящения: это не унизило в свое время ни Баярда, ни дю Гюсклена. Более никакие масонские обряды не требуют, чтобы кандидат становился на колени. Господь наделил человека головой, посаженной на плечи сверху и прямо, прямой и величественной походкой. Мы собираемся в Храмах для того, чтобы пестовать в своей душе высокие помыслы и чувства, соответствующие прямой и достойной походке праведного и уважаемого человека, и мы не желаем, чтобы ищущий быть принятым среди нас униженно склонялся перед нами голову. Наоборот, мы уважаем нового среди нас человека, как уважаем самих себя, чтобы и он проникся нашими высокими идеями и начал воспринимать себя по-новому, как личность возвышенную, свободную и независимую. Если скромность есть добродетель, то унижение и самопоругание противны человеческой природе и отвратительны, ибо справедливая и достойная гордость служит единственным настоящим и прочным основанием любой добродетели. Человек должен преклоняться пред Беспредельным Господом, но не перед своим несовершенным и заблуждающимся собратом-человеком.

Посему в качестве Досточтимого Мастера своей ложи ты должен пристально следить за тем, чтобы никогда, ни в едином градусе ни один из твоих кандидатов не подвергался никакому унижению; слишком уж часто именно к этому сводились обряды посвящения во многих градусах. Прими за окончательное и безусловное правило, для которого не существует исключений: масонский Орден не вправе требовать от ищущего вступить в его ряды ничего, что могло бы показаться рыцарю и джентльмену недостойным или унижительным.

Верховный Совет Тридцать Третьего и Последнего Градуса Южной юрисдикции Древнего и Принятого Шотландского Устава для США в конце концов начал давно откладывавшуюся, но так необходимую работу над пересмотром ритуалов и наставлений ко всем тридцати градусам, находящимся в его ведении. Сохранив основу каждого градуса и все знаки и прочие средства, помогающие посвященным в них опознавать друг друга, он нашел и распространил основную идею каждого из них, сократил в них все ребячества и ничего не значащие глупости, выстроив градусы в последовательную систему нравственных, религиозных и философских уроков. Не являясь защитником ни одной из существующих религиозных конфессий, он посчитал необходимым удалить из них второстепенные детали, основанные на аллюзиях на священные книги иудеев и христиан, на мистические учения древних греков, вавилонян, египтян, персов, индийцев, друидов и ессеев, равно как и на легенды времен Крестовых походов и церемонии различных рыцарских орденов.

Более эти ритуалы не учат преступной и порочной мести. Более они не позволяют масонству выступать в роли наемного убийцы, мстящего за гибель Хирама, Карла I или Жака Де Моле и Рыцарей Храма. Ныне Древний и Принятый Шотландский Устав стал тем, чем было первичное, изначальное масонство и чем оно и должно быть – наставником в великих Истинах, вдохновленным праведным и просвещенным Разумом, твердой и неизменной Мудростью и страстным и свободным Милосердием.

Более он не является системой, над составлением и сопоставлением различных элементов которой трудились в основном наиболее случайные, невежественные и, возможно, недостойные люди; системой, не отвечающей нашим обычаям, нашим взглядам и всемирным масонским принципам благотворения и терпимости, – но скорее он отвечает запросам

малочисленных, но исполненных благого порыва групп людей, средства которых идут на вспоможение ближнему своему, а не на пустые торжества; более это не сложное и неоднородное собрание разнообразных церемоний и ритуалов, поражающее неисчислимыми анахронизмами и несоответствиями, не способное отделить свет, нравственные и философские истины от заблуждений и пустословия.

В качестве Досточтимого Мастера своей ложи ты обязан наставлять всех избравших тебя на этот пост братьев, добровольно пошедших к тебе в подчинение, в том, что, в случае если не будет хватать средств на благотворение, помощь братьям и просто своим ближним, необходимо расстаться с любым, даже самым ценным украшением и убранством ложи; а также, что любое материальное вспомоществование ложе должно проистекать от тех лишь братьев, которые состоятельны и добровольно изъявили желание оказать это вспомоществование, и что оно никаким образом не окажется в тягость им самим и тем, кто находится на их иждивении. Основы каждого градуса можно преподавать достойному посвящения в них брату практически даром; необходимо помнить, что братья только по доброй своей воле и без всякого к тому принуждения могут приобретать за собственный счет облачения всех градусов, кроме 14-го, 18-го, 30-го и 32-го.

Ни в одном из градусов, в которые мы проводим посвящение, мы не учим Истине. Для нас они только аллегории, притчи, облекающие и содержащие в себе масонское учение, а также средства передачи посвящаемому полезных и интересных знаний. Они представляют собой различные этапы развития человеческого сознания, его усилий постичь Природу, Бога, устройство и работу Вселенной, великую проблему Божественной Воли на существование в мире горя и зла. Для того чтобы учиться мудрости и потакать себе в несбыточном желании постичь то, что постичь мы не способны, мы используем в своих трудах выдержки из учений философов древности, каббалистов, мистагогов и гностиков. Каждый имеет право так воспринимать и толковать предлагаемые нами для изучения Истины, как это в наибольшей степени соответствует его собственным нравственным принципам и учению его религии; поэтому сами эти Истины мы преподносим в форме максимально общей, готовой быть воспринятой всеми. В наши градусы могут посвящать кандидатов во Франции и Турции, в Пекине, Исфахане, Риме и Женеве, в Пенне и католической Луизиане, и кандидатами этими могут быть граждане абсолютистского государства или республики, сектанты или теисты. Наш Орден во всех градусах учит своих посвященных почитать Господа – Великого Строителя Вселенной, считать всех людей своими братьями, равными и равно любимыми Им чадами, служить обществу своим трудом и своими знаниями.

Проповедуя Свободу, Равенство и Братство, масонство учит тому, что человек обретет их, лишь доказав, что достоин их, а докажет он это, лишь обретя нравственную силу, разум и просвещение. Масонство не заключает никаких заговоров, не замышляет никаких переворотов. Оно не жаждет незрелых революций; оно не побуждает никакой народ выступать против законно учрежденной власти; однако, следуя старинной истине, заключающейся в том, что свобода приходит лишь к народу, готовому ее обрести, оно также принимает и следствие из этой аксиомы: необходимо *готовить* народы к обретению самоуправления.

Там, где существует рабство, масонство учит хозяев быть гуманными, улучшать условия жизни и труда своих рабов, поддерживать твердую, но не жестокую дисциплину; тому же оно учит мастера в отношении его учеников; работодателя – будь то в шахте, на фабрике, в мастерской – оно учит рассудительности и опять же гуманности в отношении тех, кто трудится на него, зарабатывая на кусок хлеба своими руками, для кого безработица означает голодную смерть, а труд на измор – смерть от лихорадки и изнурения.

В качестве Досточтимого Мастера своей ложи ты должен непрестанно напоминать об этом долге своим братьям. Наставляй работников в верности, трудолюбии и точности, равно как и в дисциплине и должном повиновении всем, в отношениях с кем это необходимо; но

вместе с тем наставляя и работодателей в том, что каждый мужчина и каждая женщина, ищущие работу, имеют право получить эту работу; что те, кто не в состоянии трудиться в силу болезни или немощи, потери конечности или важного телесного органа, в силу старости или чрезмерной молодости, имеют право на пищу, одежду и кров для защиты от буйства стихий; что смертный грех перед масонским Орденом и пред Богом совершает тот, кто закрывает свою фабрику или мастерскую, кто закрывает шахту, когда она перестает приносить ему ожидаемую прибыль, тем самым обрекая на голод рабочих и их семьи, или кто снижает заработную плату своих работников настолько, что им и их семьям перестает хватать на еду, одежду и кров, или кто заставляет их работать до изнурения, проливая пот, слезы и кровь, за те крохи, которые он горделиво именует их заработной платой; что долг его как масонского брата, наоборот, состоит в том, чтобы предоставлять постоянную работу тем, кто иначе погиб бы от голода и холода или же вступил бы на путь воровства и грабежа; что работникам ему следует платить достойную заработную плату, пусть даже это сократит его ежегодную прибыль, пусть даже это заставит уменьшиться его капиталы, – ибо Господь для того даровал ему богатство, чтобы он был Дародателем человечества и Божьим посланником-благодетелем.

Кроме символов нравственных добродетелей и свойств разума, практически все рабочее инструменты и прочие принадлежности масонства принадлежат исключительно градусам Символической Ложи. Они должны постоянно напоминать масону, который проследовал далее, что все его высокие градусы основаны на скромных трудах в первых трех символических степенях, хотя так они названы несколько неправильно – ведь все градусы символически.

Так посвященные постигают величайшую истину масонства **труд**, ибо наставлять в труде и трудиться самим, – значит постигать символизм масонства. Существуют три типа работы, необходимые для существования и процветания человека и общества: ручной труд (относящийся к ведению первых трех символических степеней), военный труд (символизируемый рыцарскими степенями масонства), умственный труд (которым ведают философские степени Ордена).

Мы сохранили и приумножили в ритуалах наших градусов символы и эмблемы, которые действительно обладают непреходящим глубоким значением. Мы отвергли часть их устаревших и бессмысленных толкований. Мы сумели оградить масонство от превращения в сухую метафизику, не оставляющую места воображению. Люди невежественные, недоумки, которые, однако, в самовлюбленности своей, полагают себя *слишком* умными, могут сколько угодно потешаться над нашими символами; однако эти символы продолжают оставаться прекрасными покрывалами, окутывающими Истину, почитаемую всеми, кому ведомы пути к человеческим сердцу и чувствам. Многие великие учителя нравственности в древности прибегали к аллегориям для того, чтобы наставить людей, не отторгая их от себя чрезмерно сложными философскими построениями. Однако мы постарались, чтобы наши аллегории не были чрезмерно темными и сложными для понимания, чтобы толкователи их впоследствии не заходили слишком далеко в пустом умствовании над ними. В наше время и в нашей просвещенной стране нам больше не нужны такие уж причудливые и непроницаемые занавеси, которые скорее препятствуют учению, чем помогают ему, и которые, кстати, вызывают к жизни слухи о том, что у наших символов есть какое-то особенно сокровенное значение, которое мы открываем только самым надежным посвященным, потому, мол, что эти значения противны добрым нравам и благу общества.

Обязанности класса *Наставников*, то есть масонов с 4-го по 8-й градус посвящения, состоят, в первую очередь, в обучении и проверке у новопосвященных знания всех проходных слов, знаков, пожатий, шагов и прочих ритуальных навыков, которые они получили в процессе посвящения в тот или иной градус, разъяснении им смысла символов и эмблем,

повторении с ними нравственных уроков градусов. Только по отчету и рекомендации этих братьев кандидаты могут продвигаться к повышению заработной платы.

Управители Работ, то есть братья с 9-го по 11-й градус, должны непременно делать в Капитуле сообщения о регулярности лож низших градусов, их трудах и направлениях их деятельности, а также о том, что необходимо предпринять для активизации и совершенствования работы в них. В символических ложах, например, они обязаны направлять и поощрять работу Каменщиков во благо Ордена, своей страны и человечества в целом, давать им братские советы, если они уклоняются от исполнения своего масонского долга, или же, в случае крайней необходимости, применять против них суровый масонский закон.

Архитекторы, или братья с 12-го по 14-й градус, должны избираться только из числа братьев, доказавших свое отличное знание всех наставлений и учений предыдущих градусов; они должны быть усердны и ответственны, способны обсуждать с другими масонские символику и нравственные принципы, приводя должные примеры и иллюстрации, рассуждать о простейших проблемах нравственной философии.

Рыцари 15-го и 16-го градусов получают меч. Они обязаны предотвращать и исправлять – насколько это в их силах – любую несправедливость в окружающем профанском мире и в масонстве, защищать обездоленных и привлекать угнетателей к суду. В этом духе они должны трудиться сами и наставлять других. Они должны постоянно следить за тем, исполняет ли масонство свое основное предназначение: оказывать помощь несчастным, – и с должным ли усердием. С этой целью они должны разрабатывать предложения для голубых лож, как положить конец правонарушениям и угнетению и прекратить людские страдания. Посвященные в рыцарскую степень чаще всего должны занимать в символических ложах место Дародателя и отвечать, таким образом, за своевременное и достаточное оказание помощи всем нуждающимся – как братьям Ордена и их семьям и близким, так и профанам.

В более высокие градусы следует отбирать для посвящения только тех, кто способен разумно обсуждать великие философские проблемы, достаточно начитан и красноречив. Из их числа следует избирать Ораторов символических лож, капитулов и советов. В их обязанности входит предлагать ложам на рассмотрение различные меры, направленные на то, чтобы Орден оставался верен своим основополагающим принципам, как в благотворительности, так и в распространении среди людей Света и Знания; именно они должны исправлять ошибки и заблуждения, закравшиеся в философию и обычаи Ордена, вредящие его духу, который должен был сделать его величайшим нравственным наставником человечества.

В качестве Мастера своей ложи, своего капитула или совета ты обязан преподавать собратьям эти основополагающие принципы и фундамент организационной структуры Древнего и Принятого Шотландского Устава, его дух и форму, его гармонию и функции, обязанности офицеров и членов собраний и особенности уроков, преподаваемых в каждом из его градусов.

В особенности же ты должен следить, чтобы никакое собрание никакого из вверенных тебе масонских советов не завершалось, пока всем его членам не было напомнено о добродетелях, запечатленных на табеле соответствующего градуса. Это твоя прямая обязанность. Помни, что более трех тысяч лет назад Зороастр сказал: *«Будь благ, будь добр, будь человечен и милостив; люби ближних своих; утоляй нужды жаждущих; прощай сотворивших тебе зло»*. А две тысячи триста лет назад Конфуций повторил великую мысль тех, кто жил прежде него: *«Люби своего ближнего, как самого себя; не твори ближним своим того, чего не хотел бы, чтобы сотворили тебе; прощай обиды; прощай своих врагов; не испытывай к ним зла, помогай им и проси за них богов»*.

Так не будет же нравственность в наших ложах ниже, чем в душах великих персидского и китайского философов!

Наставляй своих братьев в неукоснительном соблюдении принципов нравственности в отношении всех и каждого, вне зависимости от религии, расы или страны.

Наставляй их в любви друг к другу, в верности друг другу, своей стране и ее законному правительству, неукоснительном соблюдении своего долга перед своей страной.

Наставляй их в том, что их священный долг:

уважать все формы поклонения Господу, все возможные политические и религиозные взгляды; никогда не осуждать и ни в чем не обвинять никакие религиозные воззрения; не искать в брате прозелита для своей религии и довольствоваться, если он верует в то же, во что веровал Сократ: он почитал Творца, религию добрых дел и признавал Господне благословение;

почитать всех людей своими братьями; помогать всем, кто попал в беду; с радостью ставить интересы Ордена превыше своих собственных;

сделать правилом всей жизни своей: благие мысли, благие слова, благие дела;

ставить мудреца превыше воина, дворянина и даже князя; видеть в мудрецах своих наставников;

следить, чтобы убеждения всегда соответствовали делам, проповеди – образу жизни;

сделать еще одним девизом на всю жизнь фразу: «Делай что должен – и будь что будет!»

Вот, брат мой, некоторые из обязанностей, соответствующих тому великому посту, который ты искал занять. Да исполнишь ты их достойно и тем самым принесешь огромную пользу развитию масонства и всего человечества!

21

Noachiite, or Prussian Knight **Ноев Патриарх, или Прусский Рыцарь**

В данном градусе в твои обязанности, в частности, входит быть скромным, а не самолюбленным, не исполненным пустой гордыни и самолюбования. В мыслях своих ты не должен возноситься выше Всевышнего, не должен осуждать то, что и как Он сотворил, не стараться «исправить» сотворенное Им. Будь также скромен в общении со своими ближними, не торопись думать о них плохо или приписывать им недостойные намерения. Тысячи печатных изданий наводняют страну дурно пахнущей прессой, неустанно и активно заставляя людей плохо думать о ближнем своем, приписывая недостойные намерения людям и партиям, осуждая их поведение и политику, и вряд ли найдется хотя бы одно, которое заставляло бы любить ближнего своего, хотя бы иногда, хотя бы время от времени.

Никогда еще скандальность и клевета не были так популярны и безнаказанны, как в наше время. От их ядовитых стрел не защищает самое праведное поведение, самое незаметное существование. Высокий общественный пост делает газетчиков только наглее и беспардоннее, если занимающий его человек претендует на признание людей.

Зло распространено повсеместно. Ни один мужчина, ни одна женщина, ни одна семья не могут чувствовать себя в безопасности от этой новой Инквизиции. Никакой поступок в наше время не может быть настолько чист и бескорыстен, чтобы какой-нибудь профессиональный торговец ложью, живущий за счет удовлетворения низменного аппетита толпы, не мог бы назвать его преступлением. Нет такого достойного и возвышенного побуждения, которое не могли бы счесть злодейским. Журналистика врывается под крышу частного дома, проникает под покровы внутренних, личных трагедий, грехов и стыда, целенаправленно собирает и трудолюбиво распространяет самые безосновательные и неправдоподобные выдумки ради денег самих журналистов или ради временного успеха тех или иных политических партий в борьбе между собой.

Об этом зле здесь не стоит распространяться далее. Оно очевидно для всех и оплакиваемо всеми, и долг каждого масона состоит в том, чтобы уменьшить, а если удастся, вовсе уничтожить его. Нам не пристало бороться с заблуждениями и грехами других людей, которые напрямую не вредят нам и не нуждаются в нашем осуждении для того, чтобы быть грехами и ошибками; но и журналисты не имеют права становиться цензорами и блюстителями нравственности. Мы не брали на себя обязательства громко трубить о каждой ошибке своего ближнего, лишь только заметим ее, или осуждать его за нее. Глупо и постыдно было бы стоять на перекрестке и за пенни грозно обличать грехи людские.

В идеале, никто и никогда не должен ничего говорить и писать против кого-либо другого. Дай Бог, чтобы хватило человеку времени на то, чтобы на протяжении всей жизни следить за самим собой! Каждый из нас – пациент в гигантском лазарете земной жизни, и журналистика напоминает мне сцену, увиденную однажды в переполненной больнице, где пациенты постоянно издевались друг над другом, споря, чья болезнь опаснее и отвратительнее: один пациент, страдающий от водянки, насмеялся над больным оспой, тот, в свою очередь, издевался над раком лицевого нерва у своего соседа, тот – над параличом следующего страдальца, – и так до тех пор, пока один из них в горячечной ярости не вскочил и не сорвал с них всех простыни, обнажив одинаковые у всех язвы и следы разложения. Вот чем занимаются журналистика и политические партии в своей непрестанной борьбе, да и вообще полмира за стенами масонского Храма.

В самом общем смысле, ограничения, наложенные на человека в его действиях теми, кто сам себе присвоил права хранителей общественной нравственности, совершенно необоснованны. Мало того, зачастую место этих ограничений должна была занять похвала, и наоборот, когда похвала незаслуженна, она всегда несправедлива.

Какого духа исполнены те, кто без зазрения совести может приписать ближнему своему любой грех, любую степень падения? Будь их душа возвышенна и достойна, будь они просто человечны, и не жестокосердны, они вместо этого помогли бы ему устранить причины его заблуждения и ошибки, вместе с ним пролили бы слезы над свершенным. Природа сыграла с человеческим телом отвратительную шутку, наделив его порочной душой, которая добавляет новых пороков к тем, которые существуют во внешней Природе и которые и так терпеть уже нет никаких сил. Если масон слышит о каком-либо человеке, что репутация его пала в глазах общественного мнения, он должен приложить все усилия к тому, чтобы помочь несчастному в его горе, а не стараться уронить его достоинство еще ниже. Наслаивать клевету за клеветой на имени человека уже опороченного – это все равно что снова и снова бить железным прутком и так исполосованного бичами человека; каждому нормальному человеку с человеческим сердцем в груди такое видится бесчеловечным и недостойным.

У каждого сотворившего беззаконие и совершившего ошибку человека почти всегда есть тихий родной дом, уютный очаг, любящая жена и невинные дети, которые наверняка не подозревают о его прошлых заблуждениях и недостойных поступках – прошлых и давно оплаканных и искупленных; и даже если они знают о его недостойном поведении, они тем больше любят его, ибо, будучи человеком, он грешил, а будучи образом и подобием Божьим, он раскаялся. Но мысль о том, что каждый удар, нанесенный такому человеку, отзовется обжигающей болью в сердцах жены и нежных дочерей, не останавливает руку продажного журналиста; он снова и снова наносит удары в их трепетные, невинные, нежные груди, несмотря на их крики и мольбы о пощаде; а потом он отправляется в город, эту артерию общественной жизни, ходит там с высоко поднятой головой и требует к себе почтения, требует себе похвал и уважения за свой «рыцарский подвиг» – за удар кинжалом в невинное любящее сердце, не способное защищаться.

Если ты поставишь себе целью познать, что такое ложь и клевета, тебе не составит труда найти ее в сердцах недостойных людей. Лицемерие – это та трава, которая чаще всего произрастает на навозных кучах. Именно в этой почве оно пускает свои глубокие корни и выстреливает вверх ядовитые побеги. Долг наш состоит в том, чтобы быть скромными и хранить собственное достоинство в отношениях с теми, кто стоит выше нас на общественной лестнице; с равными нам надлежит быть вежливыми; с теми же, кто является в обществе по отношению к нам нижестоящими, необходимо постоянно помнить о великодушии. Нет большего лицемерия, чем постоянно указывать своим ближним на их ошибки, не понимая и не желая при этом понимать их побудительные мотивы и цели их поступков, делая своей профессией очернение заслуживающих славы. Нанести оскорбление лицу, занимающему общественный пост, – это все равно что подстрелить старшего самца в стаде оленей: даже если он не истечет кровью от раны, его забьют насмерть остальные самцы для того, чтобы занять его место.

Работа шпиона во все времена считалась низкой и порочной, но чем, скажите, отличается от нее работа редакторов большинства печатных изданий, которые – за редким исключением – поставили перед собой задачу неустанно шпионить за нравственностью и действиями окружающих? Их злонамеренность придает силы их зрению, и они используют эту силу для того, чтобы находить у окружающих все новые и новые ошибки, приписывая им преступные намерения даже в тех случаях, когда в действительности устремления были самыми достойными. Подобно крокодилам, они поднимают со дна кучи ила, в которых оскальзываются и оступаются те, чьими живыми и трепетными плотью и кровью они потом с радостью

насыщаются. Они выставляют грехи окружающих на обозрение всего мира, а добродетели прячут глубоко под землю, чтобы никто их никогда не увидел. Если им не удастся кого-то обвинить на основе доказательств, они это делают на основе предположений, а если невозможно предоставить последние, они их просто выдумывают, как Господь сотворил мир – из ничего, – и все только ради того, чтобы очернить репутацию человека; и они отлично знают, что любой лжи толпа поверит скорее, чем ее последующим опровержениям, как бы тщательно обоснованны они ни были; что ложь летит на орлиных крыльях, а ее опровержение улиткой тащится вслед, и второму никогда не догнать первую. Да уж, наверное, самой «нравственности» журналистики претит мысль о том, что опровержение может и должно появиться на том же самом месте, где появилась ложь, вызвавшая его. Но даже если такое случается, изначальная ложь все равно продолжает жить в сердцах и умах слишком многих людей, и клевета надолго занимает место истины.

Этот век, в гораздо большей степени, чем все предыдущие, есть век лжи. В свое время малейшее подозрение общественного деятеля в сокрытии истины могло привести к полной утрате им репутации и потере поста; в наше же время среди политиков, представляющих разнообразные противоборствующие партии, становится редкой и практически никем не используемой добродетелью хоть раз в жизни сказать правду своему народу. Ложь превратилась в обычное орудие политической борьбы, используемое во время всех кампаний и общественных потрясений, и цена ее тем больше, чем она полезнее в данный исторический момент, чем она прибыльнее; ложь хранят, ее целенаправленно производят, ею торгуют; существует настоящий рынок лжи, как существует рынок свинца и серы, хотя она гораздо смертоноснее и опаснее их, вместе взятых.

Взвесь люди повнимательнее прегрешения человеческого рода, они поостереглись бы осуждать ближнего своего. Невежество дарует критиканству гораздо более длинный язык, чем может даровать знание. Умный знает, глупый – говорит. Столь частые в последнее время кампании очернения – всего лишь плоды жестокого рассудка; самые жесткие суждения о ближних выносят те, кто не в состоянии оценить и осудить сам себя; только дар самооценки придает вес суждению о других. Даже если нам ведомы пороки окружающих, добродетель наша скорее будет выражаться в желании сокрыть их, нежели придать общественному порицанию, если, конечно, сам носитель порока не воспримет это как комплимент, как побуждение к дальнейшему следованию путями греха. И нет греха более тяжкого, чем превратиться в очернителя достойного человека.

Для масона в этом смысле может существовать один лишь закон. Если он призван выступить с рассказом о добродетельном человеке и его добродетелях, он должен сделать это, беспристрастно и честно. А если среди добродетелей встречаются также и пороки, то пусть мир узнает о них от кого-нибудь другого. Ибо даже если творящий беззаконие не заслуживает пощады, ее заслуживают его жена, дети, родители, любые другие невинные люди, любящие его; а профессия бретера, наносящего беззащитному удар кинжалом в темном переулке по заказу отдельного лица или группы лиц, в наше время не более достойна, чем была сто лет назад в Венеции. Если мы чего-то не знаем, милосердие заставляет нас думать о человеке лучшее, а остальное пусть знает только Сам Великий Знатор Сердец человеческих; ибо заблуждения, подозрения и зависть часто приносят огромный вред достойному человеку, а в милосердном и снисходительном неведении греха нет.

И что превыше всего, истинный масон должен со скромностью и почтением преклонять колени пред Великим Архитектором Вселенной, ни в коем случае не позволять себе усомниться в Его неисчерпаемой Мудрости, не пытаться применить свое собственное убогое понимание того, что правильно, а что – нет, к Его Провидению и Его делам, не торопиться изучать таинства бесконечной Божественной Сущности и Его непроницаемые для смертных

планы на будущее, а равно и великую непостижимую Природу, которую ему также не дано никогда понять и объяснить полностью.

Да бежит он прочь от всех этих пустопорожних философствований, тщащихся объяснить все и вся и отказывающихся раз и навсегда признать существование Бога, единого и отдельного от Вселенной, которая есть всего лишь творение Его; признающих только Природу своим богом и только ей поклоняющихся; отрицающих Божественный Дух и ограничивающих человеческое познание только данными, полученными посредством наших пяти телесных чувств; они путем логических построений и бессмысленной словесной софистики пытаются заставить такого явного, живого, любящего и наставляющего Бога уйти в тень нереальности и абстракции, превратиться в очередную логическую формулу.

Да бежит он также и от всех тех теоретиков, кто не удовлетворен медленным, по их мнению, развитием событий на Земле в соответствии с Божественным Провидением, кто стремится «ускорить» их, кто пренебрегает практикой и стремится к неосуществимому, кто полагает себя мудрее Небес. Необходимо просто пристальнее всматриваться в природу вещей, – и тогда в ней непременно станут очевидными некие окольные пути, позволяющие добиться желаемого скорее и притом именно таким образом, какой в наибольшей степени соответствует Его предназначениям и не внесет дисгармонии в величественное мироустройство, основополагающими принципами и законами которого являются равное распределение собственности, отсутствие власти одного человека над волей другого, отсутствие насильственного труда, отсутствие голода, нищеты и прозябания.

Да не проведет он свою жизнь так, как проводят свои жизни они в строительстве новой Вавилонской башни, в попытках изменить то, что навеки сотворено неизменным Божественным Провидением; но да удовлетворится он, отдавшись на милость Бесконечного Провидения Господня, верой в то, что весь ход исторических событий управляется Беспредельной Мудростью и ведет – пусть мы и не в состоянии этого увидеть и понять, – к великой и благой цели; да удовлетворится он следованием путем, указанным Провидением, и трудом на благо всего человечества теми средствами, какие указал для этого Господь; и наконец, да не строит он никогда Вавилонскую башню в слепой вере, что стоит ему подняться до Небес – и Бог исчезнет или будет подавлен огромной массой материальных сил или блистательных логических формулировок; да стоит он всегда твердо на земле в почтении пред Богом и с надеждой и священным ужасом взирает на Небеса в нерушимой вере, что существует реальный Бог – личность, а не формула, Отец и Защитник – любящий, сочувствующий и помогающий; что вечные пути, назначенные Им для развития всего мира, неизмеримо мудры, как бы непостижимы они ни были для ограниченного и слабого человеческого разума.

22

Knight of the Royal Axe, or Price of Libanus **Рыцарь Царственной Секиры, или Князь Ливанский**

Сочувствие великим трудящимся классам, уважение к самому труду и стремление к *работе* во благо всего человечества на протяжении всей своей жизни, – вот некоторые из уроков данного градуса, и они носят истинно масонский характер. Масонство сделало рабочего человека героем своей основополагающей легенды, равным царям, другом царей. Эта идея настолько же проста, насколько истинна и возвышенна. От самого начала и до самого конца масонство – это *работа*. Масоны поклоняются Великому *Строителю* Вселенной. Они считают временем основания своего Ордена период *строительства* Соломонова Храма. Своими основными эмблемами они считают *орудия труда* каменщика, мастерового. Они хранят в памяти имя первого *мастера* обработки *меди* и *железа* в качестве одного из проходных слов. Мастер – это *надзиратель* за постройкой, следящий за тем, как *работают* каменщики, и наставляет их в *труде*. Масонство – это возвышенный апофеоз **труда**.

Именно руками не известных нам трудолюбцев этот мир был сделан для нас таким прекрасным и цивилизованным. *Все* это – их труд, труд людей, о которых никто *не помнит* и никто ничего не знает. *Истинные* завоеватели, преобразователи и истинные владельцы любой процветающей и высококультурной страны – это все, кто когда-либо жил в ней и участвовал в ее развитии, каждый в своей степени; это каждый человек, кто когда-либо валил в ней деревья и осушал болота, рождал великие технические новации или говорил что-либо важное и нужное для всей страны. Только самоотверженный и усердный труд вечен, вечен настолько же, насколько вечен Сам Великий Творец Мира и его Строитель. Только труд достоин похвалы: жизнь, исполненная лени и пустого времяпрепровождения недостойна ни человека, ни Бога. Великий Творец, когда-то, в незапамятные времена, сотворив эту величественную и отлично отлаженную машину Вселенной, отнюдь не сидит с тех пор в бездействии, лишь безучастно наблюдая за поворотами всех ее титанических шестеренок. Если верить в это, недалеко и до атеизма. А вот вера в Невидимого, Неизрекаемого, Неописуемого и Вечно Направляющего нас на наших путях Бога лежит в основе всего, что видит, делает и что ощущает каждый истинно верующий человек.

Жизнь любого бога зачастую предстает перед нами чередой чудес, свершаемых с одной только целью – избавить человечество от вечного непосильного труда. Но нашей истинной верой должно стать поклонение Богу Страданий. Для Сына Человеческого не могло быть иного венца – по доброй ли воле носимого, нет ли, – кроме тернового. Высшая доблесть человека не в том, чтобы быть счастливым, искать удовольствия и находить их. Единственным горем в его жизни должна стать невозможность трудиться и тем самым исполнять свой земной долг как человека. Быстро пролетает день, да что там – быстро пролетает вся наша жизнь, и наступает ночь, когда уже никто не может более работать. И когда приходит эта ночь, все наши радости и горести исчезают, испаряются, словно их никогда и не было. Но труды наши не прекращаются, и плоды их не исчезают. Плоды наших трудов остаются на Земле, где и пребудут вечно, на все грядущие времена.

Каким бы умом, какой бы нравственностью ни обладал человек, какими бы ни были его усердие, терпение, верность и методичность, озарение, изобретательность и энергия, – короче говоря, какова бы ни была его **Сила**, вся она отразится и навечно останется в плодах его **труда**. Трудиться – значит испытывать самого себя в столкновении и взаимодействии с Природой и ее неизменными и безошибочными законами; и по этим законам нам выносятся справедливый приговор в конце всех трудов. Величайшим подвигом человеческой жизни

должно стать медленное, постепенное построение царства его воли путем тягчайших трудов и медленного, постепенного одержания победы над всеобъемлющим Хаосом. Дела важнее и достойнее слов. Они живут своей собственной жизнью – хотя никто их не слышит и не видит, – и растут. Они наполняют вакуум великого Времени и придают ему жизнь и достоинство.

Труд является главным символом Бога, Предвечного Строителя и Творца; возвышенный и достойный Труд, которому суждено воцариться на этой Земле и взойти на самый высокий ее престол. Человек, не имеющий долга, который надлежит исполнить, не трудящийся, подобен дереву, выросшему на обрывистом склоне: из-под его корней уходит земля. Природа ничем не обязана человеку, если он при этом сам добровольно не берет на себя крест мученика во имя своего ближнего. Она презирает человека праздного, бегущего от опасностей, трудностей, невзгод, горестей, которые все суть работа, и наоборот, гордящегося тем, что в жизни не проработал ни единой минуты, потому что всю жизнь за него работали другие. Но ведь этим может гордиться и свинья.

Лучший и достойнейший из людей всегда выходит вперед, для того чтобы грудью встретить опасность, угрожающую другим, выходит в тот момент, когда остальные в панике отступают, а опасность угрожает уничтожить всех и вся. Гераклу поклонялись за свершенные им двенадцать подвигов. Русский царь превратился в простого плотника и наравне с простолюдинами работал в доках Саардама, и привел свою страну к победам. Трудились и Кромвель, и Наполеон, и свершения их остались на страницах истории навечно.

Работа несет в себе жертвенную честь и даже святость. Человек, который усердно и честно трудится, никогда не утратит надежду и никогда не забудет о своем высоком и исполненном достоинства предназначении; отчаяние приносит только постоянное бездействие. Человек совершенствуется только посредством труда. Человек вырубает джунгли, на их месте распахивает плодоносные поля и возводит кипящие жизнью города; посредством этого труда человек уничтожает в своем собственном сердце непроходимые джунгли и безжизненные пустыни порока. Даже когда человек приступает к самому неквалифицированному, «грязному» труду, в тот же миг душа его приходит в состояние истинной и высокой гармонии. Сомнения, отчаяние, горе, плотские страсти, угрызения совести, стыд, – все они со стонами бегут прочь и прячутся в свои грязные пещеры, как только человек склоняет спину, приступая к очередной работе. Труд – это жизнь. Из самого сердца трудолюбца проистекает Богом дарованная Сила, священная небесная жизненная суть, вдохновленная в него Господом Всемогушим, – и как только тело его приступает к труду, душа устремляется вверх, к Небесам. Трудясь, человек учится терпению, отваге, усердию, открытости для Света, умению признавать свои ошибки, исправлять их и тем самым совершенствоваться. Только трудясь, человек постоянно учится добродетели. В лени и бездействии нет и не может быть религии, – она только в труде до потери сил. Величайшую истину содержит в себе высказывание средневековых монахов: «*Laborare est orare*»¹. Сказано: «Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас»², – а как еще может человек показать свою любовь тем, кого любит, как не трудясь ради них и во имя них?

«Трудись, и трудом своим процветай!» – вот древнейшее Евангелие Истины, никем не написанное, не прочитанное, но, тем не менее, вечное, истинное и одинаково верное для всех и каждого. Считай беспорядок, где бы ты ни встретил его, своим вечным врагом; тигром бросайся на него и превращай в порядок, руководствующийся не Хаосом, а Богом, Разумом и тобой самим; тигром бросайся на невежество и глупость, на грубость и суеверие, где бы ты ни встретил их, недрогнувшей рукой уничтожай их во имя Мудрости, вечно воюй с ними, ибо или им, или тебе не место на Земле: она слишком мала для всех вас вместе, побивай их во Имя Господа, вот священный долг истинного масона, преподанный ему Всемогушим Творцом. Он говорит с нами Своим голосом, который ужаснее громов над горой Синай-

ской и разрывающего уши рева урагана. С нами говорят грядущие века и древние гробницы, наполненные тончайшей пылью истлевших веков Прошлого. Руины древних империй и звезды, свершающие свой неизменный и бесконечный путь по ночному небу, все время и все пространство неустанно наставляют нас в том, что первейшей нашей обязанностью является трудиться именно «сегодня», как мы это называем. Труд простирается вширь до самого края земли, а ввысь достигает Небес. Работаручной ли труд, в поте лица своего, или труд умственный, или труд душевный, – это настоящая молитва, а молитва Богу – это пока самое святое, истинное и возвышенное, что сумело придумать живущее под Небесами существо. Да не помыслит утомленный трудами, что работа – это проклятие рода человеческого, произнесенное Богом раз и навсегда. Без труда человеческая природа никогда бы не сумела достичь истинного просветления и совершенства. Без труда, без боли, без горя откуда бы появились добродетели: терпение, усердие, покорность, благой порыв, выдержка, отвага, смелость, справедливость, самопожертвование, остальные достойнейшие душевные качества?

Да не жалуется и не чувствует себя труженик униженным и обделенным! Пусть он только поднимет взор – и тут же увидит, что его сотрудники уже давно на Небесах, в обители Господа нашего; *только* им суждено пребывать там. Даже в слабой и недолговечной людской памяти они живут как святые, герои, даже как боги; только они продолжают жить после телесной смерти, и *именно* они населяют невыразимые просторы одиночества в бескрайнем Времени.

Первобытному человеку казалось, что всякое благо ниспослано ему (да так и есть в действительности) напрямую Богом; какой бы ему ни предстояло исполнить долг, он рассматривал его как прямое предписание Бога. Для первобытного человека, разум которого еще глубоко спал, вся необъятная Вселенная была Храмом, а каждое его действие – актом поклонения Всевышнему Богу.

Наш долг всегда с нами; он запрещает нам лениться. Трудиться руками или мозгом, трудиться, используя все способности и все доступные средства, исполнять предназначенное и предначертанное, – это жизнь гораздо более достойная, чем жизнь носителя высоких титулов и званий. Пахари, токари и строители, изобретатели и ученые, поэты, адвокаты и писатели, – все они находятся на одном уровне, стоят рядом в шеренгах колоссальной армии тружеников всего мира и вместе идут вперед и вперед с самого основания мира, и каждый из них достоин нашего понимания и нашей любви, каждый из них – наш брат.

Хорошо, что Господь даровал человеку Землю в виде темной необработанной массы, над обустройством которой тому суждено трудиться всю жизнь. Хорошо, что материалы для этого Господь также предоставил человеку в изобилии в шахтах и в лесах, предоставил для того, чтобы именно человек превращал их в богатство и красоту Земли, на которой живет. Это было благо, но не в силу самих богатства и красоты, а в силу того, что сам акт переработки грубых материалов неизмеримо важен для человека; потому что труд на пределе усилий достойнее наслаждения радостями жизни; потому что труженик достойнее и важнее для Земли, чем лентяй. Массонство всеми доступными ему средствами отстаивает идею высокого предназначения труда. Это величайшее испытание, назначенное человеку Небесами для его совершенствования. Достоинство труда многие века было втоптанно в землю, и теперь массонство стремится восстановить его. Было же оно втоптанно в землю потому, что люди в основном трудятся только в силу прямой необходимости, подчиняясь этой необходимости и считая ее тяжким бременем, ни о чем на свете так не мечтая, как об избавлении от этого долга и от этой необходимости. Такие люди исполняют букву высшего закона Труда, но нарушают его дух; они исполняют его руками, но нарушают в сердце своем.

Массонство же учит тому, что каждый бездельник немедленно должен броситься на поиски какой-либо работы для себя – ручной или умственной, – ибо только так ему ста-

нет доступно нравственное совершенство, в то время как наша несовершенная цивилизация никогда и ни за что не преподаст ему такого урока. Наоборот, в объятиях современной цивилизации человек сидит сложа руки, наслаждается всеми ее благами, а также своим бездельем, в котором видит свою славу и свое благополучие. Настало время избавиться от этого предубеждения, даже презрения к труду. Стыдиться труда, душных мастерских и пыльных копей, стыдиться трудовых мозолей, более славных, чем мозоли от эфеса сабли на руке военного, стыдиться пропитанной потом и перепачканной землей одежды, на которую мать-земля наложила свою гербовую печать палящим солнцем и пронизывающими ливнями, огнем и паром; стыдиться этих высоких природных титулов и низменно завидовать блестящим побрякушкам и алым мантиям ленивых и тщеславных недоумков, – это предательство по отношению к Природе, это презрение Небес, уклонение от величайшего испытания, предначертанного ими. **Труд** – ручной, умственный, душевный, – вот единственное высшее проявление мужества и чести.

Труд – это в гораздо большей степени служение Богу, чем может постигнуть невежественный разум такого человека и чем могут ему позволить предположить его бесконечные жалобы на тяжесть труда. Даже если плоды его скрыты от человека, который его свершает, это все равно не просто тягостная лямка, которую нужно всего лишь бессмысленно тянуть. Это обучение, наставление, развитие всех человеческих энергий, средство испытания всех его добродетелей, школа совершенствования. От маленького мальчика, собирающего хворост для домашнего очага, до взрослого мужа, валящего вековой дуб или недрогнувшей рукой направляющего корабль по бурному морю, а паровоз – по извилистым железнодорожным путям, – каждый труженик каждым шагом своих уставших ног, каждым новым завершённым делом повинует той Мудрости, которая гораздо превышает его собственной и исполняет великий План, постигнуть который он сам просто не в состоянии в силу несовершенства своего разума.

Великий закон человеческого труда таков: в основе человеческого совершенства лежит труд, и только труд – ручной, умственный, душевный, – труд ради какой-либо цели, какого-либо осязаемого результата. Мы, в отличие от животных, посланы в этот мир не для того, чтобы насыщаться случайно выросшими на нашем пути травами, а потом валиться на бок и отдыхать в полном бездействии и бесчувствии; мы посланы в этот мир для того, чтобы вспахивать землю и бороздить моря, заставлять вращаться шестеренки фабрик и наводнять жизнью шумные города. Весь мир – это великая и возвышенная школа труда. В искусственной атмосфере человеческого общества все люди делятся на классы тружеников и бездельников, но не таков был изначальный Великий План Мировоустройства.

Труд – это величайшее предназначение человека, его отличие от всех прочих тварей Господних, его преимущество перед ними. Перестать быть животным, удел которого – только есть, пить и спать, и стать тружеником, собственной рукой вливающим свои мысли в горнило Природы, превращающим их в материи красоты и заготовки величия, приспособляющим их к нуждам человеческого счастья и удобства, – только так способен человек возвыситься.

И Земля, и атмосфера – это лаборатории для человека. Лопатой и плугом, отбойным молотком, киркой и ломом, огнем и паром, в шуме и пыли современных станков или в тишине полей, – всегда и везде должен человек трудиться и экспериментировать. И даже когда он – вместе со всеми своими заботами и земными трудами устремляется мыслью к сияющим Небесам, когда его окружает их неземное великолепие, когда все мысли его погружены в их неисчерпаемую глубину, – все равно во всех мирах философии, во всех интеллектуальных вселенных он должен оставаться тружеником. Без труда он ничто, он не может быть ничем, не может ничего исполнить, ничего достигнуть. Без труда он не может достигнуть высшего совершенства и даже относительного земного счастья. Лениваю суждено вечно

хвататься за часы своей земной жизни, которые убегают от него прочь. Время для него – неизменный и отлично вооруженный враг; вопрос здесь стоит так: кто кого. И все равно, даже если человек в жизни своей ни разу не трудился, это отнюдь не значит, что он будет навечно освобожден от всех сопровождающих труд явлений: горестей, забот, усилий, – и только и будет делать, что гулять и прохлаждаться, бездельничать и наслаждаться жизнью. Так никто не может прожить жизнь. У Бога на этот случай есть особый закон, который не сокрушить никакой человеческой силой, не обойти никакой человеческой хитростью.

«Закон», будто в течение десяти-двадцати лет можно нарастить капитал, приобрести собственность, а затем всю оставшуюся жизнь прекрасно жить на проценты; будто путем какой-то гениальной спекуляции или просто единовременной выгодной сделки возможно завершить весь труд, предназначенный для исполнения на протяжении всей жизни; будто путем разумного и успешного управления финансовыми мероприятиями возможно на большую часть жизни избавить себя от самоотверженного и неустанный труда, – основан на грубой ошибке, проистекающей из неверного понимания самой идеи, самой сути бизнеса и природы человеческого материального процветания. Идея наращивания и сбережения капитала только ради продления спокойной и бездеятельной жизни, избавления от всяческих усилий, самоотречения и всякого труда вообще, совершенно, в корне неверна, хотя и довольно широко распространена.

Истинному масону лучше всего жить там, где он живет, и наслаждаться жизнью и всеми дарами ее; жить побогаче и умирать победнее. Лучше всего ему выкинуть из ума пустую мечту о том, что в Жизни Грядущей не будет ни труда, ни забот; к земной жизни и ее заботам ему следует относиться как к школе, готовящей к жизни новой, неземной; важнее всего понять и глубоко осознать, что обретение материальной независимости ни в коем случае не должно вести к безделью и самоудовлетворенности. Масону необходимо осознать, что для обретения счастья ему необходимо быть вечным тружеником, трудиться руками или головой, или и тем и другим сразу; что разумное напряжение телесных или умственных сил ему следует воспринимать не как бессмысленную обузу, а как необходимую школу, исполнение мудрого предназначения, тренировку ради великих достижений в будущем, в высших сферах, где также невозможно существовать, не трудясь.

Конечно, существуют причины, по которым истинный масон может законно, и даже по совести, желать богатства. Если он при его помощи сможет наполнить величественный дворец, сам по себе являющийся продуктом деятельности талантливых архитектора и строителей, трудами возвышенного человеческого гения; если он сможет больше и активнее помогать терпящим нужду; если он сможет выискивать, где недуг или удары судьбы наиболее жестоко ранят его ближнего, и смягчить или устранить наносимый ими урон, облегчить часы жизни человеку, неуклонно скатывающемуся в бездну безумия или в могилу; если он сможет встать между угнетателем и угнетенным и заставить кандалы или тюремную башню вернуть свою жертву на свет, к радостям жизни; если он сможет построить школу, или училище, или Академию искусств; если он сможет открыть для людей живительные родники науки и направить их воды по правильным каналам; если он сможет сделать для сирых больше, нежели просто подавать им милостыню (например, постоянно будет думать о них и о повышении их социального и образовательного уровня, учить их добродетели, а не просто вновь и вновь раскрывать для них кошельки, что само по себе не плохо, но недостаточно); если ему хватит ума и душевных сил сделать все это или хотя бы часть этого; если богатство пришло к нему в результате тяжелого труда, усилий, стремлений и только в последнюю очередь – удачи (хотя обычно она сопутствует только труженикам), – только тогда он может (не забывая о скромности и трудолюбии) желать богатства. Но если богатство для него означает только освобождение от труда и растительную жизнь, а также обучение его детей в той же пороч-

ной школе одних только радостей и безделья, – он ни в коем случае не имеет права этого богатства желать и к нему стремиться.

Есть ли в природе нечто, что не являлось бы плодами труदारучного или умственного? Что такое история человечества, как не летописи этого труда? Что такое все наши достижения, открытия и изобретения, как не его свидетельства? Оживленные рынки, кипящие жизнью города, богатейшие империи мира, – все это сокровищницы труда человеческого. Пирамиды Египта, храмы, башни и замки Европы, руины римских городов, потаенные дворцы древней Мексики, каналы и железные дороги всего христианского мира, – это опоясывающие весь мир пути, ведущие человечество вперед и ввысь, ступени его возвышающего труда. Без труда у нас не было бы ни памяти о прошлом, ни надежды на будущее.

Даже самое закоренелое безделье покоится на плодах некогда свершенного труда. Даже тот, кто не трудится и, тем не менее, не умирает от голода, исполняет свою роль в мироустройстве, ведь он служит наглядным доказательством того, что ради его безделья кто-то в свое время изрядно потрудился. Но не таким людям воздаст высшие почести масонство. Оно почитает Работника, Труженика, того, кто производит, а не только потребляет, того, кто трудами рук своих наращивает богатства сокровищницы людских радостей и удобств, а не только полной горстью черпает из нее. Оно почитает того, кто вступает в борьбу с неумолимыми стихиями и сражается с ними, а не прячется трусливо под подушками безделья и покоя. Оно почитает сильную мышцу, железные нервы настоящего мужчины, отважное и верное сердце, вспотевший лоб, напряженно работающий мозг. Оно почитает величайшие и прекраснейшие свершения человечества, работу, выполняемую как мужчинами, так и женщинами; труд отца и заботу матери; наставляющую Мудрость и впитывающее знания Терпение; напряжение ума тех, кто стоит во главе государства, и самоотверженный труд тех, кто под его благой эгидой работает в цехах, полях и учебных классах.

Господь устроил так, что мир в основном состоит не из богатчей, а из бедняков, или, по крайней мере, из тех, кто должен трудиться для того, чтобы заработать на пропитание себе и своим близким. Таким образом, это положение вещей является оптимальным для человека и одновременно величайшим условием его совершенствования. Если бы все люди мира в одночасье обогатились (а ведь все люди при рождении обладают равными правами, в том числе, и на все богатства мира); если бы наше поколение смогло обеспечить грядущее поколение всеми материальными средствами на всю жизнь (как многие стремятся обеспечить своих детей), – мир немедленно обрушился бы и исчез. Остановилось бы производстведь в нем больше не было бы необходимости; любое усовершенствование, изобретение стали бы невозможны в силу отсутствия необходимости в них; несправедливое распределение собственности, отчасти уравниваемое ныне оздоравливающим дуновением общественной мысли, привело бы к повсеместному распространению страшных общественных болезней и в конечном итоге – к полной и ужасной анархии; и мир рухнул бы – сгнивший от проказы, как Ирод, – в могилу собственных отвратительных пороков.

Практически все величайшие достижения человечества были осуществлены бедняками: нищими учеными, нищими художниками и скульпторами, нищими мастеровыми, нищими поэтами и философами, нищими гениями. Человеку полезны некоторая бедность, некоторая стесненность в средствах, умеренность, давление обстоятельств. Тело его было сотворено не для одних лишь удовольствий и радостей. Ему суждено страдать, болеть и в конце концов умереть. Разум его был сотворен не для безделья. В бездельи он слабеет, сжимается и деградирует. Тот же, кто купается в роскоши и бездельи, не упражняя ни свое тело, ни свой ум, передает потомкам болезни своего тела и своего разума, и никакие унаследованные ими богатства не покроют такой ужасный ущерб. Ибо богатство, приобретенное и хранимое в обход извечного закона Труда, не способно не только приумножить, но и сохранить само себя. Оно утекает из рук недоумка. И уж третье поколение точно оказывается

на мели, и ему снова приходится крутить колесо фортуны, и только так оно снова обретает качества, необходимые для возрождения, если только ему вообще суждено их обрести; ибо это поколение наследует все пороки тела и души первого поколения сластолюбцев и лентяев, не наследуя при этом их богатств. И, тем не менее, практически все мы стремимся направить своих детей – в надежде, что они направят наших внуков, – по этому пути лени, роскошества, порока, разложения и упадка, по пути вечного в веках наследования телесных и душевных болезней, духовной проказы.

Если бы целью обретения богатства было распространение духовной культуры внутри и широкая благотворительность вовне; если бы оно служило строительству образовательных и культурных учреждений вокруг нас; если бы оно служило только нравственному оздоровлению и интеллектуальному росту окружающего нас мира, то чем большее богатство было бы обретено, тем было бы лучше. Но если единственной целью, единственным побуждающим к накоплению богатства мотивом служит последующее приобретение красивой и дорогой мебели, участие в дорогостоящих и безнравственных развлечениях, строительство шикарных домов и всяческие упражнения в расточительстве, тщеславии и суетности, – то чем меньше такого богатства, тем лучше. До некоторой степени оно может с честью служить источником красоты и удобств человеческой жизни, телесных радостей и призрения неимущих; но как только богатство лишается идеи, высокого и человеческого побудительного мотива, оно непременно ведет своего обладателя к падению и злу.

Это падение суждено не только отдельным людям или семьям. Оно стоит тягостным и пугающим видением на пути развития всех богатых городов, республик, империй. Уроки прошлого на эту тему возвышенны и жестоки. История обретения богатства, как ни грустно и ни страшно, всегда была историей гниения и краха. Пока еще не было в истории людей, которые сумели бы выдержать это испытание. К сожалению, беспредельное богатство пока еще не позволило никому сохранить мужественную энергию, жесткое самоотречение и возвышенную добродетель. Среди богатых и порочных бездельников бесполезно искать плоть и кровь общества, его костяк, его высшие таланты и добродетели, мучеников и патриотов, религиозных и общественных вождей, которые готовы были бы разделить со своей страной не только дни радости, но и дни горя и испытаний.

На протяжении всего великого пути различных народов единого человечества по лицу Земли мы всегда видели, как роскошь и излишества бегут под напором бедности, труда и жестокой нужды. Это еще один великий закон построения и роста человеческого общества. Сидон и Тир, купцы которых владели сокровищами, которым позавидовали бы и князья; Вавилон и Пальмира – престолы азиатского роскошества; Рим – исполненный всеми пороками мира, осаждаемый ими гораздо более жестоко, чем внешними врагами, – все это примеры разрушительной направленности избыточного и неестественного накопления богатств; и современным людям необходимо постепенно становиться, по мере обретения все новых богатств, все более щедрыми и милосердными, а отнюдь не все далее погрязать в самовлюбленности, дабы и наша цивилизация не пошла по стопам давно павших и погребенных под пеплом Истории империй.

Всем людям свойственно стремиться выделиться из общей массы и обрести возвышенную цель в жизни. Те, чьи цели наиболее высоки и достойны, обычно и бывают счастливее и удовлетвореннее всех прочих. Артисты, инженеры, изобретатели, – все, кто исследует основы красоты этого мира и стремится создать собственные ее образцы, больше всех наслаждаются земным существованием. Земледелец, трудящийся ради украшения земли и научного землепользования, гораздо счастливее того бедолаги, который пашет свой надел только ради куска хлеба. В этом одно из самых наглядных свидетельств того долга, который все мы – всеми своими радостями и удовольствиями – обязаны постоянно отдавать породившей нас Природе. Никакое вновь обретенное богатство не дает такой радости, как собствен-

норучно отлаженная до совершенства новая машина, по крайней мере, если это богатство обретается только для того, чтобы объедаться, одеваться в шелка и расточительствовать, а не для того, чтобы участвовать в благотворительности, облегчать жизнь ближним своим, тем самым платя свой человеческий долг, или для достижения какой-либо иной высокой и благой цели.

С трудом у большинства людей зачастую связана безрадостная убежденность в том, что у него нет ни достаточно высокой цели, ни же способен он принести труженикам соответствующие их работе почести. Зачем трудиться, если пройдет всего лишь несколько лет мир забудет о том, что труженик этот вообще когда-то существовал, если только он не увековечил свое имя в мраморе, на холсте, в книгах, законах или исторических афоризмах?

Ответ на этот вопрос прост: каждый из нас должен свершить великую работу внутри самого себя, работу, гораздо более значительную и возвышенную, чем любой «внешний» наш труд в этом мире; это обработка более благородного материала, чем дерево или мрамор, – наших собственных разума и души, и работа над ними принесет нам высшие почести, как на Земле, так и в Небесах; нам необходимо стать настоящими Мастерами обработки грубого камня наших душ, и такое дело будет говорить за нас гораздо красноречивее любых слов.

Любой великий писатель или художник только описывает, каким может и должен *быть* человек. Он *описывает* то, что мы должны *делать*. Он воспринимает свыше и претворяет в свои работы нравственную красоту, великодушие, отвагу, любовь, верность, всепрощение и возвышенность принципов. Он описывает добродетели, чтобы мы восхищались ими и старались следовать им. Основной целью существования великих произведений искусства является наше следование описанным ими великим идеям на практике. Великие свершения героев прошлого на страницах летописей или эпоса; неизменность веры мучеников за Истину; любовь и истинная Вера, которыми лучатся холсты великих художников; слова Истины и Справедливости, слетающие с уст великих ораторов, – вот единственная суть всего, что человеку надлежит предпринимать в реальной жизни, на всем ее протяжении. Добродетельный труд ценнее любого гениального произведения искусства, ибо гораздо достойнее *быть* героем, чем *описывать* его, достойнее *быть* мучеником, чем *воспевать* его, достойнее *творить* благо, чем *призывать* к его творению. Дела величественнее слов. Добродетельный труженик в большей степени достоин всяческого возвеличивания, чем гениальный писатель. Существуют две великие цели, ради которых стоит жить: делать нечто достойное того, чтобы о нем написали в книге, и писать книги о том, что достойно того, чтобы быть прочитанным, – но достойнее всего все же *делать* нечто важное и благое.

Каждый человек должен стремиться сотворить нечто, достойное самого возвышенного описания. Жизнь человеческая – необъятное поле для трудов Отваги, Трудолюбия и Радости. Да не опустится ни единый мазон до мыслей о том, что жизнь его суетна и бесполезна, наполнена тягостным и бессмысленным трудом; да не считает он цель своей жизни ничем хотя бы отчасти меньшим, чем обретение бессмертия. Никто не вправе говорить, что все радости в этой жизни предназначены не для него, а для других, а он сам ничего не может с этим поделать. Как бы велик ни был образ героя, созданный писателем или художником, как бы велики ни были его подвиги, гораздо достойнее и величественнее поступишь ты, если просто пойдешь и *совершишь* то же, что этот герой, или *послужишь* прототипом нового героя, описанного новыми писателем и художником.

Возвышеннейшие подвиги, которые мы привыкли встречать только в книгах, тем не менее, с невероятной легкостью можно совершить и в обыденной жизни, в быту, – нужно просто видеть возможность совершить их, искать ее повсюду, среди повседневных искушений, горестей, страданий, в медленном, но неуклонном приближении телесной смерти. Самим Провидением Господним во всех великих испытаниях, предначертанных Им для нас,

открываются неисчерпаемые возможности для самых благих и возвышенных наших поступков. Даже не в чрезвычайных обстоятельствах, когда все глаза обращены к нам, когда силы наши на пределе, когда все наше внимание сконцентрировано в одной точке, когда от нас требуется все напряжение, неизменно пробуждающее лучшие добродетели, которыми мы обладаем, – отнюдь нет, скорее, напротив – в уединении, в тишине, посреди ежедневных трудов и мыслей, или в измощающей болезни, на которую некому даже пожаловаться, или в честности и бескорыстии, за которые не ждешь награды, или в беспристрастности, когда удерживаешь свою руку, чтобы преимущество перешло в руки другого, более его заслуживающего.

Масонство всегда стремилось наполнить обычную жизнь достоинством и значением. Оно и ныне стремится проникнуть в темные и неисследованные области быта, наших обыденных чувств и дел, и вечно воспевать скорее не обычную доблесть необычной жизни, а необычную доблесть в жизни обычной. То, что думается и делается в тени обыденной жизни, в уединении, на проторенных тропах бытовых трудов и забот, исполненных таких же обыденных, но от этого не менее тяжких, ежедневных жертв, в страданиях, зачастую несправедливых, наполняющих горем некогда счастливые глаза, в вечной борьбе духа с болью и жестоко поражающими в самое сердце оскорблениями, – все, что делается, думается, выносятся и вытерпывается там, – это высшая доблесть, высшее предназначение человека, и вознаграждено это будет блистательнейшим из всех венцов.

В Книге жизни истинного масона начертано одно-единственное слово, сияющие лучи, истекающие от которого, озаряют все вокруг. Слово это – Долг.

Помогать каждому человеку обрести постоянную работу за соответствующую плату; стараться приблизить то счастливое время, когда никто более не будет страдать от нищеты и голода в силу того, что, пусть и желая честно трудиться, он никак не может устроиться на работу, или в силу того, что труды его прервал внезапный тяжкий недуг, – вот часть долга Рыцаря Царственной Секиры. И если нам удастся сделать хотя бы одно из творений Господних счастливее и богаче, хотя бы немного лучше и достойнее звания образа и подобию Его; если нам удастся вселить хотя бы в одно сердце человеческое немного мудрости, мужества, надежды и счастья, – значит, мы свершили *работу*, достойную истинных масонов и угодную Отцу Небесному.

23

Chief of the Tabernacle **Начальник Скинии**

У большинства народов древности, кроме общепринятого религиозного культа, обычно существовал и другой, скрытый, известный под названием Мистерий; в него допускались только избранные, прошедшие особое посвящение, известное под названием инициации.

Шире всего в древнем мире были распространены культы Исиды, Орфея, Диониса, Цереры и Митры. Многие варварские народы обрели посвящение в Мистерии этих богов от египтян, и только потом Мистерии попали в Грецию; даже в древней Британии друиды определенно были посвящены в Мистерии Диониса, и именно египтянами.

Элевсинские Мистерии, свершаемые в пригороде Афин во имя Цереры, со временем поглотили все прочие. Все окрестные народы позабыли собственные Мистерии, обратившись к таинствам Элевсина; вскоре посвященные в них наводнили всю Грецию и Малую Азию. Эти Мистерии охватили всю Римскую империю и распространились далеко за ее пределы. «В священные и возвышенные Мистерии Элевсина, – говорил Цицерон, – бывали посвящены жители самых отдаленных земель». Зосима писал, что они охватили все человечество, а Аристид называл их Храмом всего рода человеческого.

Элевсинские Мистерии подразделялись на два круга посвящения – Великий и Малый. Второй из них служил приуготовительным этапом для посвящения в первый, и в него допускались практически все без ограничений. Ученический срок в Малых Мистериях обычно составлял три-четыре года.

Клемент Александрийский пишет, что учение Великих Мистерий включало в себя описание Вселенной и служило своего рода вершиной и итогом всех предшествовавших наставлений; обретший посвящение в них постигал истинную природу вещей, их образ действия и суть всего окружающего мира.

Древние говорили, что после смерти посвященные обретут гораздо большее счастье, чем все остальные люди; что, в то время как души профанов после их телесной смерти погрузятся в великое Ничто, во мрак и безысходность, души посвященных вознесутся на Счастливые Острова, в обитель богов.

Платон утверждал, что целью Мистерий являлось восстановление человеческой души в ее изначальной чистоте, в давно утраченном совершенстве. Эпиктет писал: «Все, чему там учат, было утверждено нашими Мастерами и нацелено на совершенствование нравственности».

Прокл считал, что путем инициации душа возносится от материальной, чувственной, чисто человеческой жизни к союзу и небесному взаимодействию с богами, что посвященные во время церемонии инициации наблюдают длинную череду форм, образов и сущностей, которые должны символизировать для них первое поколение богов.

Нравственная чистота и возвышенность душевных порывов были необходимыми требованиями, предъявлявшимися к посвящаемым. Кандидаты отбирались исключительно из людей безупречной репутации и неоспоримых нравственных достоинств. Нерон после убийства матери не рискнул предложить свою кандидатуру для посвящения, а Антоний предложил свою кандидатуру в значительной степени во имя того, чтобы представить всему миру неопровержимое доказательство своей непричастности к убийству Гая Авидия Кассия.

Посвященные считались единственными счастливыми людьми на Земле. «Лишь нам, – писал Аристофан, – светит милостивое дневное светило. Лишь мы вбираем в себя благо,

ниспосылаемое его лучами, лишь мы, к каждому на Земле относящиеся справедливо и по-божески». И ничего удивительного нет в том, что впоследствии посвящение в Мистерии стали считать таким же необходимым актом, как затем – крещение; всякий же, кого сочли недостойным посвящения в Мистерии, покрывал свое имя позором.

«Мне кажется, – писал величайший оратор, философ и моралист Цицерон, – что Афины среди всего множества нововведений, божественных и крайне полезных для всего человеческого рода, не сумели изобрести ничего даже отдаленно подобного по значению Мистериям, которые грубой животной жизни противопоставили человечность и учтивые манеры. Слово «*инициация*»¹ наполнено высоким смыслом, поскольку именно посредством ее мы постигаем основы, начала жизни; она не только наставляет нас в жизни, исполненной человечности и приятности в общежитии, но также и помогает смириться с неизбежными страданиями и смертью в ожидании грядущей лучшей жизни».

Корни и происхождение Мистерий продолжают оставаться для нас неизвестными. Считается, что они впервые появились в Индии, затем через Халдею проникли в Египет, а оттуда посвященные принесли их в Грецию. Вне зависимости от того, где в действительности они возникли, практиковали их все народы древности, и, как водится, и фракийцы, и критяне, и афиняне заявляли о своих правах на «авторство», утверждая, что ничего не заимствовали у окрестных народов.

В Египте и во всей Азии религия даже в самых поэтичных своих формах всегда в той или иной степени носила характер мистериального посвящения; и основная причина, почему в Греции Мистерии заняли свое собственное, отдельное от всего прочего, место и удостоились особого наименования, состоит в том, что, в большинстве случаев, так называемая «народная», общедоступная вера оставляла открытыми множество вопросов, ответы на которые можно было получить только в рамках Религии в гораздо более общем смысле слова. Мистерии явились наглядным свидетельством неспособности общедоступной религии достойно удовлетворить все растущие запросы развивающегося разума и возвышающейся к Небесам души народа. Неясность и многозначность мистериального символизма, скорее всего, достигла результата, которого не способна была достичь более материальная, «осязаемая» религия. Этот символизм своей неопределенностью подчеркивал мимолетность, неуловимость науки, преподаваемой посредством него; он толковал мистические предметы мистическими средствами; он стремился отобразить то, что невозможно было объяснить; создать у посвящаемого определенное ощущение, если невозможно было снабдить его четкими понятиями; он делал образ вспомогательным средством выражения концепции, пусть она сама так и оставалась в большинстве случаев неведомой посвященному.

Те наставления, которые в наше время передаются из поколения в поколение через книги и письма, в былые времена передавались через символы; и каждый посвященный жрец должен был самостоятельно разрабатывать череду за чередой посвяtitельных образов и действий, которые были не только гораздо приятнее глазу, чем слова, но зачастую несли в себе и гораздо более разноплановое и глубокое значение.

Впоследствии институт Мистерий преобразился и стал скорее нравственным и политическим, нежели религиозным. Гражданские чиновники изменили его церемонии, приспособив их к различным общественным процессам; мудрецы, принесшие Мистерии из Египта в Грецию, Азию и Северную Европу, в основном были царями и великими законодателями. Во главе Элевсинского культа стоял государственный чиновник, фигурировавший в нем под титулом *Царя*, и лишь вспомогательную роль при нем играли жрецы.

Силы, которым поклонялись посвященные в Мистерии, в действительности были богами Природы, потому что никого из них нельзя рассматривать просто как героев эпоса: силы и способности их превосходили человеческие. Мистерии, являвшиеся более возвышенным отражением религии, нашедшей, в свою очередь, отражение в древней эпической

поэзии, наставляли в священной теократии, то есть единстве и верховной власти Божества, каковую концепцию не могли скрыть даже поэтические метафоры и разночтения. Мистерии вроде бы никогда, по крайней мере, внешне, не враждовали с общепринятой религией, – только более полно и глубоко толковали ее символы и метафизику; скорее они считали ее своей составной частью, только более явно выраженной. Сущностью всех Мистерий, как и любой формы политеизма, является именно это: понятие недостижимой, единой, вечной и неизменной Сущности, Бога Природы, неисчерпаемые и разнообразные силы Которой раскрываются человеческим чувствам в непрерывном круге сменяющих друг друга жизни и смерти, а жрецы раскладывают их на отдельные проявления и выражают последовательностями аллегорических образов. Эти символы постоянно возбуждали воображение посвященных, питая тем самым их глубокое религиозное чувство, поскольку, не находя утешения своим духовным запросам среди простого и понятного символического аппарата общедоступной религии, они в почтении простирались пред неясным и сокровенным.

Природа совершенно свободна от догматизма и тирании; и первые наставники человечества не только отлично восприняли и поняли ее уроки, но и, насколько представлялось возможным, старались следовать ее педагогическому методу. Они стремились достигнуть понимания через зрение; и большая и лучшая часть учений древности передавалась из поколения в поколение посредством впечатляющих художественных представлений. Мистерии были священными игровыми представлениями, иллюстрирующими те или иные легенды, объясняющие причины перемен в Природе и вообще всей зримой Вселенной, в которой обретает откровение незримый и непостижимый Бог, блага, даруемые Которым, были в значительной степени настолько же доступны для язычников, насколько и для христиан много веков спустя. После ритуальных игр и чтений в храмах посвященным обычно почти не предлагали никаких толкований увиденного и услышанного: они оставались одни и должны были делать выводы сами, как это всегда происходит с человеком в великой школе Природы.

Метод непрямого наставления гораздо эффективнее при передаче учения из уст в уста, чем целенаправленная дидактическая «атака», потому что мы обычно остаемся равнодушны к тому, что нам достается без всяких усилий с нашей стороны: «Настоящих посвященных мало, хотя многие носят тирс». И вряд ли возможно было бы преподавать уроки, одинаково подходящие людям всевозможных уровней образования и внутренней культуры, если бы они не были построены по образу и подобию Природы, а точнее, не представляли бы собой одну из форм самой Природы, пользуясь ее универсальным символизмом вместо несовершенной техники человеческого языка, требуя от посвященного постоянных раздумий и бесконечных самостоятельных исследований, но тем не менее, вознаграждая самые скромные усилия по раскрытию тайн Вселенной, каждому посвященному отмеривая ровно столько знаний, сколько он достоин получить, соразмерно затраченным усилиям и достигнутому уровню духовного и интеллектуального развития.

Даже при отсутствии какого-либо формального, официозного признания этих важнейших истин, знание которых даже в более просвещенные века их обладатели полагали неразумным распространять, кроме как под плотным покровом символов и аллегорий, и которые теряют свое значение и смысл ровно настолько, насколько их активно превращают в пустые догмы, заучиваемые механически, – мистерияльные таинства несомненно содержали в себе намеки, если не прямые наставления, которые, по мнению не только тех, кто бывал в них посвящен, но и большинства народа вообще, были способны возвысить души даже простых зрителей, позволяя им прозревать цель и смысл собственного существования, равно как и средства улучшить его, сделать собственную жизнь красивее и счастливее.

В отличие от обычных религиозных практик, традиционно основанных на книгах и устном слове, эти мистерияльные ритуалы и представления были отнюдь не чтением лекций, дающих ответы на все вопросы, а наоборот – постановкой проблемы и призыванием на

помощь в ее решении философии, ибо сама по себе философия величайший мистагог и мудрейший толкователь символов; даже если принимать во внимание, что классическая греческая философия во многих случаях ошибалась, пытаясь истолковать древние мифы и аллегории, в не меньшем числе случаев она впоследствии оказывалась совершенно права.

Не было и не могло быть никакого более эффективного способа пробудить и растормозить человеческий разум, чем эти театрализованные мистериальные представления, воздействовавшие на человеческий интеллект через воображение, которое вместо того, чтобы привычно уложить все вновь познанное в рамки уже существующей веры, напротив, стремилось искать, сравнивать и судить обо всем по-новому. Переход от символа к догме так же губителен для красоты и доходчивости изложения учебного материала, как переход от веры к догме – для истины и здравого смысла.

Первые мировые философские системы то и дело возвращались к этому естественному методу преподавания; в особенности часто говорят в этом контексте о Сократе, который стремился избегать догматизма, скорее стремясь, подобно иерофантам Мистерий, развивать в умах своих слушателей те мысли, которые уже были заложены в них и не могли развиваться самостоятельно, чем наполнять их уже готовыми, разработанными концепциями, понятиями и мнениями.

Масонство также следует древним методам наставления. Его символизм – это и есть уроки, преподаваемые им своим посвященным; а собственно наставники зачастую являются односторонними и несовершенными толкователями этого многогранного и неисчерпаемого символизма. Всякий стремящийся стать истинным и высокообразованным масоном должен быть готов не только и не столько выслушивать и понимать преподаваемые ему уроки, но и, держа эти уроки в голове и в сердце своем, сделав их маяками на своем пути, самостоятельно изучать и толковать символы.

Первые философы стремились объяснить гораздо больше, чем были в состоянии сами понять, и смутные образы, порождавшиеся их разумом, нашли самое адекватное и яркое выражение именно в таинственных аналогиях феноменов окружающей действительности, которые как раз и служили основным дидактическим аппаратом Мистерий. Мистерии, как и масонство в наши дни, были образом, красноречивым отражением Природы; и ни Мистерии, ни масонство никогда не предлагали и не предлагают никому символов, которые тот или иной кандидат не готов или просто не в состоянии воспринять и должным образом истолковать.

Повсюду, во всех Мистериях древности и во всех символах и ритуалах иерофантов, встречается один и тот же персонаж, который, подобно Гермесу Трисмегисту или Зороастру, объединяет человеческие свойства с Божественной Сущностью, сам по себе отчасти являясь богом, веру в которого он приносит народам, обучая их грубых, пещерных, первобытных – основам цивилизации, а затем своей символической смертью, уподобляющейся временной гибели всей Природы, – основам религии и приносимому ею душевному покою.

Мистерии включали в себя три великих учения древнейшей теософии. Они учили сущности Бога, Человека и Природы. Дионис, Мистерии которого были, по легенде, основаны Орфеем, был богом Природы, или влаги, которая есть основа существования Природы, богом, готовящим, пребывая в непроницаемой тьме, возвращение света и пробуждение к жизни растений, или являющимся Светом и Носителем Перемен, от которого происходит все разнообразие в природе. Теологически он был един с Гермесом, Прометеем и Посейдоном. На островах Эгейского моря его называли Бутом, Дарданом, Химером или Имбром. На Крите – Иасием и Зевсом, и там вера в него не была сокрыта под обычными покровами Мистерий, вскоре предоставив любопытству непосвященных символы, которые, превратно понятые и неверно истолкованные, определенно привели к непоправимым ошибкам и заблуждениям. В Азии он стал долгополым Басарием, соответствующим Сабазию религии фригийских кори-

бантов; то же самое с таинственным Иакхом – молочным или родным сыном Цереры – и с разрубленным на части Загревсом, сыном Персефоны.

Мистерии в символической форме всегда повествовали о Едином, существование Которого многогранно иллюстрировало **Множество** богов и героев. И тем самым душа посвященного получала наставления в том, как следует жить и как свыкнуться с мыслью о смерти и радоваться ее приходу. Особенным значением обладало повествование о Дионисе. Он выступал в роли не только творца мира, но и великого наставника, освободителя и спасителя души. Этот бог в многоцветном плаще был всеобщей персонификацией, высшим личностным воплощением, всем в одном, целым годом развития Природы в одном лице, всей Природой во всем многообразии ее внешних проявлений.

Духовное возрождение человека представлялось в Мистериях воскресением, вторым рождением Диониса как порождения Всевышнего; символами и средствами этого воскресения становились стихии, обычно задействованные в периодическом отмирании и внутреннем очищении Природы: воздух, представленный ритуальным веером или воздуходувной трубой; огонь, представленный факелом; вода – символ крещения, не только очистительный эликсир, но и источник всей и всяческой жизни, всеобщая мать.

Эти понятия, сокрытые пеленой ритуала, предполагали перестройку души кандидата и ее обучение, нравственное очищение, официально являвшееся основополагающим принципом Элевсинских Мистерий. Допускались же к посвящению в них только те, кто обладал «чистыми руками и разумной речью, свободой от всякого порока и чистой совестью». «Счастлив тот, – говорят посвященные у Еврипида и Аристофана, – кто очистил свою жизнь от порока и кто освятил свою душу во время тиаса² в честь Бога. Да замкнет он уста, дабы не слетело с них нечестивое слово; да будет он справедлив и милосерд и к ближнему, и к дальнему; да не отдастся он никакому грешному удовольствию, иначе дух его обленится и отяжелеет. Да пребудут вдали от священного танца в тиасе и нечистый сердцем, и клеветник, и трусливый гражданин, и самолюбец, и охотник за нечестивой выгодой, и изменник, – все, чья жизнь более напоминает неразумный бунт титанов, чем размеренную жизнь орфиков или критского ордена жрецов Зевса Идейского».

Допущенный к посвящению кандидат оказывался далеко за пределами сферы привычных для него понятий и представлений, он более был не в состоянии объяснить сам себе причины своего экстатического возбуждения и постепенно обретал божественную природу – ровно в той степени, в какой расставался с природой человеческой, – он превращался в демона или в бога. Посвященные, пускай только в собственном воображении, – автоматически причислялись к небожителям. Лишь они одни наслаждались истинной жизнью, впитывали лучи истинного Солнца, воспевая своих богов под сенью таинственных зарослей мистического Элизия, внутренне обновляясь и возрождаясь к новой жизни под живительным воздействием ритуальных танцев.

«Те, кого Прозерпина ведет по пути посвящения в свои таинства, – гласит наука Таинств, – кто усвоил ее наставления и духовную пищу, даруемую ей, смогут отдохнуть от трудов и более никогда не познают тягот. Счастливы те, кто видел и усвоил эти священные церемонии! Они познали загадку существования всего на свете, поскольку им дано было узреть конец всех вещей и смысл их краткого бытия, как оно было предначертано Зевсом; они обрели дар, более долговечный и драгоценный, чем зерно земное, даруемое Церерой, ибо они возвысились в области духовного бытия и обрели сладостные надежды, которые успокоят их в час смерти».

Вне всякого сомнения, мистерияльные таинства изначально были немногочисленны и просты. Но по мере того, как великие и простые изначальные истины постепенно стирались из умов людских, а в мире воцарялись зло и грех, потребовалось изобретать более сложные ритуалы, выдерживать большие сроки для отделения достойных посвящения от его недо-

стойных и подвергать кандидатов более серьезным и многочисленным испытаниям; потребовалось окружить эти еще не полноценные Мистерии, а скорее, начальные школы мистерийного посвящения, таинственностью, чтобы окружающие народы прониклись их высоким предназначением и непреходящим глубоким смыслом.

В каком бы свете ни представляли Мистерии позднейшие, в особенности христианские, авторы, они многие века, а не только в самом начале, хранили нравственную чистоту, и учение природной, естественной религии и сопутствующие ей нравственные принципы обладали гигантским влиянием на умы всех народов древности, ведь действительно, самые мудрые и самые добродетельные древние философы говорят о них только в превосходной степени. Нам, тем не менее, отлично известно, что, в конце концов, как бы то ни было, они все же утратили это значение и ужасно деградировали.

Ритуалы посвящения в мистерийные таинства со временем постоянно усложнялись. Были разработаны знаки и эмблемы, при помощи которых Дети Света могли с легкостью опознать друг друга. По мере увеличения числа посвященных были разработаны различные степени посвящения, чтобы во главе Храма Мистерий всегда стояло ограниченное число высших посвященных во все возможные таинства, которым и только которым открывались самые глубокие тайны, которые составляли внутренний круг святилища, которые олицетворяли силу Ордена и могли оказывать на него влияние изнутри.

Изначально Мистерии были задуманы как начало новой жизни для посвященных, жизни в обители Разума и Добродетели. Посвященных, или Учеников, наставляли в существовании Единого Всевышнего Бога, им рассказывали о смерти и бессмертии, о сокровенных таинствах Природы, о возрождении души в конце времен во всем изначальном совершенстве, которое она утратила во время грехопадения, о вечном блаженстве или вечной каре после физической смерти. Непосвященных наградили званием «профанов», недостойных ни личного доверия людей, ни высокого общественного положения, некоторых даже объявили атеистами, а всех вместеопределенно заслуживающими жестокой посмертной кары.

В Малые Мистерии мог быть посвящен практически каждый; но лишь очень немногие могли обрести посвящение в Великие Мистерии, в которых, собственно, и раскрывалось большинство священных символов и сообщалось истинное их значение. Завеса тайны была непроницаема, запечатана клятвами и обещанием ужасных и жестоких наказаний за их преступление. Знание иерофантов могло передаваться кандидатам только путем инициации, именно это знание было запечатлено в форме символов и эмблем на колоннах, потолках и стенах храмов, именно оно было, по легендам, передано жрецам небесными божествами в форме Откровения и именно оно было столь желанной целью столь многих кандидатов, стремившихся расшифровать потаенные символы храмовых строителей.

Церемонии обычно проходили под покровом ночи, чаще всего в обширных подземных пещерах, но иногда и в центре огромных пирамид, и сложные механизмы использовались для того, чтобы внушить кандидату священный ужас и наполнить его сознанием значительности момента. Бесчисленные новые церемонии, дикие и романтические, ужасные и отвратительные, с течением времени все добавлялись и добавлялись к изначальным немногим простым ритуалам, и нередко бывали случаи, когда несчастный кандидат действительно умирал от ужаса в ходе посвящения.

Для посвящения в Мистерии иерофанты пользовались пирамидами, пещерами, пагодами и лабиринтами, потому что для исполнения всех ритуалов необходимо было большое количество по-разному убранных помещений с длинными проходами между ними и многочисленными глубокими колодцами. В Египте основным местом проведения церемоний посвящения в Мистерии стал остров Филы на Ниле, и именно там был построен величественный Храм Осириса, в котором хранились, по легенде, его мощи.

В силу своих природных склонностей жрецы древних Египта, Индии, Финикии, Иудеи и Греции, Британии и Рима, эта избранная и возвышенная каста, которой были ведомы Великие Мистерии, пользовалась ими для укрепления и расширения границ собственной светской власти. Никакая религия не способна вечно хранить первозданную чистоту. За изначальной простотой и скромностью неизбежно следуют чрезмерные почести и излишняя роскошь. Беспринципные, суетные, грубые, порочные и жестокие люди со временем неизменно надевают личины богов, чтобы служить под ними демонам; роскошество, порок, нетерпимость и гордыня повергают ниц умеренность, добродетель, доброту и терпимость, превращая алтарь, у подножия которого они должны были, по идее, стоять смиренными служителями, в престол и средоточие своей несправедливой власти.

Однако философам, царям и прочим государственным деятелям, мудрым, могущественным и благим, посвященным в мистерияльные таинства, на протяжении долгого времени удавалось отдалять самоуничтожение жрецов вследствие такого рода разрушительной деятельности и возвращать их в границы разумного служения Богу. Так, Зосима полагал, что пренебрежение Мистериями правителей после отречения Диоклетиана в конечном счете привело к падению Западной Римской империи; а в 364 г. н. э. проконсул Греции отказался запретить Мистерии и закрыть их храмы во исполнение указа императора Валентиниана, потому что, поступи он как законопослушный гражданин Рима, народ, лишенный возможности отправлять свой древний культ, впал бы в отчаяние и начал роптать, – ведь именно от регулярности свершения Мистерий, верили люди, зависели их благополучие и даже сама жизнь. В Афинах Мистерии продолжали свершаться вплоть до VII века, в других городах Греции и в Риме – тоже на протяжении нескольких веков по Рождеству Христову, в Уэльсе и Шотландии – вплоть до XIX века.

Население Индии испокон веков исповедовало религию Патриархов. Даже развившийся несколько позднее вишнуизм на деле оказался веселой и истинно народной религией; отправление культа Вишну сопровождали веселые песни и ритуальные танцы, бряцание цимбалов, возлияния молока и меда, цветочные гирлянды и чарующий дым ароматического дерева и дурманящих трав.

Именно там, вероятно, и зародились Мистерии, и именно там начали наставлять в примитивных, изначальных истинах, сокрытых под пеленой аллегорий. Рамки данной лекции не позволяют нам углубляться в подробное описание практиковавшихся там в то время церемоний посвящения, а поэтому мы будем говорить о них лишь в самых общих чертах, кроме тех случаев, когда их следы можно обнаружить в традициях и ритуалах современного масонства.

Посвященного обвивали ритуальным шнуром таким образом, чтобы тело его охватывали три раза по три витка; шнур этот назывался *джанеу*. От него и произошло наше вервие, служащее, как и *джанеу*, эмблемой единого и триединого Божества, тройственность Которого также отражается в троих старших офицерах Символической Ложы, восседающих каждый на своем месте, олицетворяя три из четырех частей света, Вселенной, эмблемой которой является все помещение ложи, а также в трех Великих и трех Малых светочах ложи, трех ее движимых и трех недвижимых сокровищах, равно как и в трех колоннах, поддерживающих свод ложи.

Посвящение в древнеиндийские Мистерии проходило в глубоких подземных пещерах и гротах, вырубленных в монолитных скалах; посвященные поклонялись там Божеству в образе солнечного пламени. Кандидат, долгое время блуждая действительно в полной тьме, действительно желал света, и только света, и вера, в которой его наставляли, действительно была верой в Бога как Источник Света. Например, церемонии посвящения определенно проходили в огромном храме Элефантина, наверное, древнейшем в мире, вырубленном в скале, высотой около 70 метров, а также в обширном подземном лабиринте острова Сальсетта, состоящем из более чем 300 пещер.

Время проведения церемонии посвящения определялось в соответствии с фазами Луны. Мистерии подразделялись на четыре этапа, или степени, посвящения. В первый градус человек мог быть посвящен в восемь лет, одновременно с первым препоясанием джанеу. С каждым новым посвящением он впоследствии приближался к истинному совершенству. «Пусть человек, обуянный пороком, – сказано в Хитопадеше, – практикует добродетель хотя бы в трех или четырех степенях религиозного посвящения; пусть он постигнет равенство всех творений Бога, – и это осознание станет для него источником всяческой добродетели».

После многочисленных обрядов, в основном посвященных наставлению в единственной и тройственной природе Божества, кандидата облачали в льняную рубаху без единого шва и оставляли на попечение брамина, который воспитывал юношу в строгости и добродетели и обучал различным наукам вплоть до двадцатилетнего возраста. После этого молодого человека подвергали серьезнейшим и суровейшим испытаниям для того, чтобы определить, готов ли он к посвящению во второй градус, в котором его осеяли знаком креста, ибо этот знак указывает на все четыре стороны света, являясь одним из самых явных и красноречивых символов Вселенной в культурах многих древних народов Земли; например, крестообразны в плане храмы древних индейцев.

Затем посвященного допускали в священную пещеру, озаренную слепящим светом, где на Востоке, Западе и Юге восседали высшие иерофанты в прекрасных одеждах, которые олицетворяли триединое индийское Божество. Церемония в священной пещере открывалась торжественным исполнением гимна великому Богу Природы, после которого произносилась следующая ритуальная формула: «О Ты, могучее Существо, Которое выше Брахмы, мы склоняемся пред Тобой – Первотворцом всего сущего! О Предвечный Бог Богов! О Оплот мира! Ты единственный неизменен среди тлена! Ты существовал раньше всех богов, Ты – Древнее Наивысшее Существо и Верховный Предержитель Вселенной! Ты наш высший оплот, Тобой, о Беспредельное Существо, порождена Вселенная!»

После того как кандидату преподавали эту первую и важнейшую из всех изначальных истин, от него требовали формального подтверждения того, что он будет во всем повиноваться и во всем слушаться старших посвященных; что он будет блюсти свое тело в чистоте и покорно и молча изучать все наставления и традиции Ордена посвященных; что он навсегда сохранит в совершенной тайне скрытый смысл тайных наставлений, полученных им в стенах Храма Мистерий. Затем его опрыскивали водой (отсюда произошел обряд *крещения*); на ухо ему сообщали некоторые тайные слова, которые он, впрочем, знал и раньше, но не придавал им никакого особенного значения; а потом он должен был босиком три раза обойти всю пещеру по периметру. Отсюда произошли наши три символических странствия, отсюда и наш обычай оставлять кандидата не обутым и не разутым перед вводом в Храм. Слова, сообщавшиеся индийскому посвященному, сродни нашим проходным словам.

Индийские философы-гимнософисты пришли в эту страну с берегов Евфрата и из Эфиопии, принеся с собой тамошние науки и искусства. Главное святилище их Мистерий было в Меру, в Храме Амона, знаменитом своим оракулом. Эфиопия в те времена была высокоразвитым теократическим государством, цивилизация которого предшествовала египетской. В этом государстве царь был подотчетен старшему жрецу, который имел право умертвить несправедного царя именем Бога. Египет в то время состоял практически из одной только Фиванской области, а на месте Среднего Египта и Дельты плескались воды залива Средиземного моря. Постепенно дельта Нила превратилась в зацветшее болото, впоследствии осушенное трудом множества людей, создавших на очистившейся территории государство Нижнего Египта, которым на протяжении многих веков правила священная эфиопская каста жрецов, в основном арабского происхождения, которую затем сменила у кормила власти каста профессиональных воинов. Величественные руины и обелиски Аксума, испещренные

иероглифами, бесчисленные храмы, гробницы и пирамиды в окрестностях древней горы Меру гораздо старше пирамид Мемфиса.

Жрецы, наученные Гермесом, запечатлели в своих тайных книгах оккультные и герметические знания, дополнив их собственными открытиями и откровениями сивилл. Они в частности изучали самые общие науки, открывали и доказывали сложнейшие теоремы, которые потом передали Пифагору, вычисляли сроки солнечных и лунных затмений, составили – за девятнадцать веков до Цезаря – Юлианский календарь. Повинуясь велению жестокой необходимости, они также иногда снисходили до практически значимых открытий и изобретений, немедленно передавая вновь обретенные знания в той или иной области простому народу; они развивали различные искусства и вдохновляли простой народ своей увлеченностью, своей страстью, тем самым вызывая к жизни такие величественные творения рук человеческих, как широкие проспекты Фив, великий Лабиринт, храмы Карнака, Дендеры, Филы и Эдфу, гигантские кромлехи и обелиски, необъятное озеро Мери, питающее и удобряющее всю страну.

Мудрость египетских посвященных, высокая наука и возвышенная нравственность, которым они учили, необъятные их знания побуждали совершенствоваться также и многих выдающихся их современников, вне зависимости от занимаемого ими общественного положения и уровня достатка; они заставляли выдающихся политиков и философов презреть ужасы и опасности долгого и сложного пути посвящения и стать иницированными учениками Мистерий Осириса и Исиды.

Из Египта Мистерии переместились в Финикию, где их центром стал Тир. Осирис сменил имя и стал Адонисом, или Дионисом также олицетворяя Солнце; а потом Мистерии последовательно проникли в Ассирию, Вавилон, Персию, Грецию, Италию и на Сицилию. В Греции и на Сицилии Осириса стали называть Вакхом, а Исиду – Церерой, Кибелой, Реей, или Венерой.

Бар Иегуда пишет: «Енох первым изобрел книги и различные виды письменности... Греки утверждают, что Енох – это тот же самый человек, что и Меркурий Трисмегист [Гермес], что именно он научил сынов человеческих строить города и преподавал им некоторые важнейшие законы... Он открыл науку Зодиака, движения планет по ночному небосклону; и он научил сынов человеческих поклоняться Богу, и поститься, и молиться, и раздавать милостыню, и приносить жертвы всесожжения, и платить десятину. Он осуждал пьяниц и едящих запрещенную пищу. Он учредил празднества в честь Солнца и каждого из знаков Зодиака...»

Манефон написал свою историю, используя в качестве источника некие колонны, обнаруженные им среди египетских руин, которые были возведены Тотом, первым Гермесом (Меркурием), и покрыты древними письменами священного первоначального языка, с которого они после Потопа были переведены на греческий, а сами колонны тогда же были спрятаны в самых глубоких подземельях египетских храмов. Эти колонны были обнаружены недалеко от Фив Египетских в подземных пещерах значительно ниже уровня Нила, вблизи от титанической статуи Мемнона, в местечке, называемом Ключи; по легенде, пещеры эти составляли – вместе с проходами между ними – гигантский запутанный подземный лабиринт; построили его люди, несомненно сведущие в древнейших обрядах, которые, предвидя начало Потопа и опасаясь, что память об их священных церемониях навсегда сотрется в умах последующих поколений, вырыли подобные пещеры, прорубив их в скальном монолите и твердом песчанике в нескольких областях Египта.

Именно в самом сердце Египта родился человек – носитель наивысшей, предельной мудрости, посвященный во все тайны знаний Индии, Персии и Эфиопии. Соотечественники называли его Тотом или Пта; финикийцы – Таутом; греки – Гермесом Трисмегистом; иудейские раввины – Идрисом. Казалось, сама Природа избрала его своим возлюбленным дети-

щем и наградила всеми качествами, которые позволяли изучать ее и в конце концов познать. Господь вдохнул в него, кроме души, все науки и искусства, дабы впоследствии он научил им весь остальной мир.

Он изобрел многие полезные для человечества вещи и ремесла и дал им соответствующие названия; он научил людей формулировать мысли и записывать их различными системами символических значков; он разработал специальные церемонии для поклонения каждому из богов; он наблюдал за звездами; ему принадлежит заслуга изобретения музыки, различных упражнений для развития тела, арифметики, медицины, обработки металлов; он придумал и сделал трехструнную лиру; он разделил мелодику человеческого голоса на три тона: *пронзительный* – осенний, *низкий* – зимний, и *средний* – весенний, ибо в то время египтяне делили год на три сезона. Это он научил греков познавать природу вещей и давать всему верное толкование, поэтому они и называли его Ἑρμης, то есть «*Толкователь*».

Египтянам он даровал иероглифы; потом он избрал нескольких египтян, которых счел достойными стать хранителями его тайн, которые и только которые стали с тех пор достойными трона и посвящения в высшие таинства Мистерий; он объединил их в подобие ордена, даровав им титул *Жрецов Бога Живого*, и научил их всем наукам и искусствам, а также объяснил им значение символов, под которыми скрывались все тайны мира. Мистерии Египта еще за 1500 лет до Моисея проповедовали религию Единого **Всевышнего Бога**, который почитался посвященными под именем **Единственного Несотворенного**. Кроме Него, посвященные поклонялись семерым низшим богам. Гермес *сокрыл* под изобретенными им символами древнюю индийскую веру, которую Моисей впоследствии *открыл* людям, ничего не изменив в законах Гермеса, кроме того, что касалось очевидного политеизма Мистерий.

Египетские жрецы утверждали, что, умирая, Гермес произнес: «Всю жизнь я прожил вдали от своей родной страны; ныне же в нее возвращаюсь. Не плачьте обо мне: я ухожу в небесные чертоги, куда все возвратятся в положенное время. Бог есть. А эта жизнь – не что иное, как смерть». Это символ веры древних буддистов, или саманеян, которые веровали в то, что время от времени Бог посылает на Землю будд, чтобы они просвещали людей, заставляя их отринуть порок и снова вступить на пути праведной жизни.

Среди наук, преподанных Гермесом жрецам, были и некоторые священные таинства, в которых он мог наставить избранных только после того, как те приносили страшную и нерушимую клятву не раскрывать вновь узнанные таинства никому, кроме тех, кого они после долгих и тяжких испытаний сочтут достойными в будущем занять их собственное место среди высших посвященных. Царям раз и навсегда было запрещено – под страхом смерти – искать посвящения в эти таинства. Эти таинства получили название Священного Искусства. Они включали в себя алхимию, астрологию, магию, духовизм и так далее. Гермес даровал посвященным в них ключ к толкованию иероглифов всех священных наук, секреты которых хранились в самых глубоких храмовых подземельях.

Глубочайшую эту тайну египетские жрецы хранили много лет, а обретенные ими высшие и обширнейшие знания заставляли всех остальных египтян почитать их и повиноваться им во всем, а сам Египет все окрестные народы почитали как хранителя таинственнейших и высших знаний, кладезь всех наук и искусств. Окружавшая эту страну тайна вызывала во всех народах живейший интерес. Орфей даже, если можно так выразиться, преобразился для того только, чтобы стать египтянином и получить посвящение в таинства жрецов, которые научили его теологии и физике. И наставления учителей настолько хорошо были им усвоены, впитаны его душой, что написанные им гимны скорее являются произведениями египетского жреца, чем греческого поэта; именно Орфей первым принес в Грецию египетские притчи.

Пифагор, всю жизнь впитывавший все новые и новые знания, даже позволил свершить над собой обряд обрезания, чтобы стать одним из посвященных; и тогда его отвели в Святой Храм и открыли ему там оккультное знание священных истин.

Посвященные в таинства той или иной науки обретали знание в форме аллегорий, мифов, притч и иероглифов, а впоследствии в своих научных трудах всегда переходили на тот же загадочный язык, когда касались тех таинств, в которые погрузились во время мистериального посвящения.

Когда Камбиз в 528 г. до н. э. разрушил многие египетские города, когда его армия пронеслась всеуничтожающим потоком чуть ли не по всей стране, большинство жрецов были рассеяны по Греции и другим соседним странам, унося с собой знания, которые продолжали распространять в форме притч и мифов, чтобы необразованная толпа, даже слыша и видя то, что они говорят и показывают, не понимала ничего. Все писатели древности черпали свои образы из этого живительного ручья; однако таинственные знания Египта были сокрыты под столь многочисленными слоями аллегорического истолкования, что зачастую даже самым проницательным из новопосвященных было нелегко добраться до их истинной сути, следствием чего стало возникновение множества абсурдных концепций и ложных посылок, которые затем распространились из Греции по всей земле.

В греческих Мистериях, учрежденных Пифагором, было три степени посвящения. Перед посвящением в них кандидат обязан был пять лет провести в воздержании и полном молчании. Если иерофанты выясняли, что кандидат неводержан или неуравновешен, высокомерен или стремится только к земным благам и почестям, его безжалостно отвергали.

В своих наставлениях Пифагор учил посвященных математике, которую полагал наилучшим средством доказательства бытия Божия путем наблюдения и размышления, грамматике, риторике и логике – как средствам совершенствования разума, арифметике потому что полагал, что только наука о числах способна принести человеку наивысшую пользу, геометрии, музыке и астрономии потому что считал, что, изучая их, человек лучше всего начинает понимать, что есть добро, а что – зло.

Он наставлял в самых действенных способах познания Божественных законов очищения души от всех ее пороков, поиска Истины и ведения добродетельной жизни, а следовательно, подражания Божественному совершенству. Он считал, что учение его ничего не принесло человеку, если тот не очистился от греха и не начал вести добродетельную жизнь. Он учил, что нет ничего лучшего и достойнейшего для человека, чем говорить правду и приносить пользу ближнему своему. В особенности он отмечал живительную силу науки, умеренности, отваги, усердия и справедливости. Он учил бессмертию души, всемогуществу Бога и необходимости для человека обрести личную святость для того, чтобы удостоиться быть принятым в сонм богов.

Следовательно, именно Пифагору мы обязаны особенностями ритуала посвящения в степень Подмастерья, а сам этот ритуал является отдаленным эхом церемонии посвящения в пифагорейские таинства. Многие толкования наших символов также являются отзвуками наставлений Пифагора. Места собраний учеников Пифагора располагались на оси Восток – Запад, потому что он учил, что всякое движение начинается на Востоке и заканчивается на Западе. Наши ложи также имеют протяженность от Востока до Запада, потому что Мастер олицетворяет восходящее Солнце и, конечно, должен располагаться на Востоке. Великие пирамиды также были построены с учетом ориентации по сторонам света. А наше описание ложи как достигающей в высоту небес происходит от древних Мистерий персов и друидов, которые утверждали, что их лишенные потолков храмы были покрыты вместо крыш небом.

Платону принадлежит заслуга одухотворения и развития Мистерий Пифагора. Даже христианский философ Евсевий признает, что Платон достиг преддверия Истины, но остался, правда, стоять на пороге.

Церемонии друидов совершенно определенно также имеют индийское происхождение; друиды были носителями буддистского вероучения. Словом «*друид*», как и словом «*маг*», называли человека просвещенного, мудрого; в древней Индии так называли философов, жрецов и гражданских судей.

Поражает сходство между организацией храмов, положением жрецов, учениями и церемониями персидских магов и буддистских друидов. Боги древней Британии удивительно похожи на самофракийских кабиров. Осирис и Исида у них именовались Ху и Сери-двен (Сив); как и у древних персов, храмы их были сложены из огромных необработанных валунов, многие из которых и сейчас можно видеть в Англии, где их почитают и даже боятся. Обычно храмы были в плане круглыми или овальными. Иногда к круглому храму вела спиральная дорожка. Круг на древнем Востоке был символом Вселенной, управляемой Единым Всемогущим Богом, центр Которого – повсюду, а периферия – нигде; овал, то есть яйцо, также служил символом мира. К некоторым храмам друиды пристраивали крылья, придавая им форму креста; такие храмы были посвящены Кнефу – египетскому богу-змею; от этого имени происходит и название местности, где находится один из них – *Нейвсток* (Navestock). Храмы, крестообразные в плане, можно встретить также в Шотландии и Ирландии. Длина спиралевидной дорожки, ведущей к одному из них, превышает три мили.

Посвящения в мистериальные таинства друидов проходили четыре раза в год, в дни равноденствий и солнцестояний. В древности это были 13 февраля, 1 мая, 19 августа и 1 ноября. Главное празднество года начиналось в ночь на 1 мая, а приготовления к нему – в ночь на 30 апреля. По окончании церемонии посвящения на всех кромлехах и дольменах загорались огни, которые освещали ночь в течение всех майских праздничных игр в честь Солнца. Сами церемонии проходили в полночь, и там также было три степени посвящения.

Один распространил готические Мистерии с Востока на Север; этот великий воин изменил их так, чтобы они стали понятными тамошним народам и отвечали его целям в их просвещении. Он поставил во главе мистериального культа двенадцать иерофантов, которые стали и жрецами, и государственными советниками, и судьями, решение которых было окончательным и не подлежало изменению.

Один, который, вероятно, был одним из индийских будд, научил посвященных особому почтению к числам 3 и 8. Каждые трижды три месяца они приносили триединому Богу трижды три жертвы.

У готов в древности было три великих праздника, главный из которых начинался в день зимнего солнцестояния и был посвящен богу Тору – князю сил Воздуха. Поскольку праздновался он в самую долгую ночь года, после которой Солнце отправлялось в путь на Север, он символизировал сотворение мира, а саму ночь они называли Ночью-Матерью, потому что именно в эту ночь из первобытной тьмы родился Свет и материальный мир. Это был праздник *Юла* (*Йуула*, *Йела*), который позднее переняли христиане и назвали Рождеством. В эту ночь и осуществлялось посвящение в Мистерии. Тор был солнечным богом, то есть египетским Осирисом, или Кнефом, финикийским Белом, или Ваалом. Посвящение проходило в глубоких подземных пещерах и лабиринтах, которые, как и в персидских Мистериях Митры, заканчивались огромным подземным залом, где кандидаты *обретали свет*.

Иосиф тоже определенно был посвященным. После того как он сумел истолковать сон фараона, тот назначил его своим первым советником, наместником над всем Египтом, и отныне Иосиф ездил во второй колеснице вслед за самим фараоном, а перед ней шли служители и возглашали: «**Абпех!**», – что означало «Преклоняйтесь!». Кроме того, фараон дал ему новое имя – Цапанат-Паанат – и дал ему в жены Ашанат, дочь Потай-Парана, жреца Онского (Иеропольского) из Храма Атума-Ра, верховного бога Египта, то есть, пользуясь современным термином, Иосиф совершенно натурализовался в Египте. Однако он не мог вступить в такой брак и занять столь высокое положение в обществе, не будучи сначала посвящен в

Мистерии жрецов. Когда братья Иосифа во второй раз пришли в Египет, его придворные не могли есть вместе с ними, потому что это было бы преступлением против их богов, в то время как они преспокойно ели вместе с Иосифом, следовательно, они считали его не чужестранцем, а соплеменником; когда же он послал слуг за своими братьями и вернул их с полпути, а потом обвинил в краже чаши, он сказал им: «Что это вы сделали? Разве вы не знали, что такой человек, как я, конечно угадает?»⁴, – то есть намекнул на свой дар провидения, подтверждая, что египтянин столь высокого общественного положения не мог не быть посвящен в оккультные жреческие таинства.

Точно так же просто не мог не быть посвященным и Моисей; он не только воспитывался и до сорокалетнего возраста при дворе, будучи приемным сыном дочери фараона, но и получил отличное образование в жреческой школе и впоследствии женился на дочери Йетру, также жреца из Она⁵. Страбон и Диодор склоняются к мысли, что и сам он был жрецом в Гелиополе. До того, как он удалился в пустыню, его многое связывало со жречеством; он даже, по заверениям Иосифа Флавия, командовал армией фараона во время войны с эфиоплянами. Симплиций утверждает, что учение, впоследствии преподанное Моисеем иудеям, он усвоил во время мистерияльного посвящения в египетские жрецы; а Клемент Александрийский и Филон пишут, что он был теологом и пророком, толкователем Священного Закона. Манефон, которого цитирует Иосиф Флавий, также утверждает, что Моисей был жрецом в городе Оне и его настоящее (египетское) имя было Асерсаф, или Хозарсиф.

Косвенное подтверждение этой теории мы находим в учрежденном им институте священства, в привилегиях и отличиях священников, в их власти и окружавшем их ореоле святости, которые были в высшей степени сходны с привилегиями и отличиями египетских жрецов; главное отличие учения Моисея состоит в том, что он сделал общедоступной веру, которую египетские жрецы хранили в тесном кругу посвященных; таким образом стремясь предотвратить скатывание народа Израиля к своей старой вере, представлявшей собой причудливую смесь халдейских и египетских языческих обычаев, ибо они были готовы совершить это в любой момент; во время их первого скандального отпадения от Бога Истинного Ахаруну (Аарону) даже пришлось восстановить для них культ египетского бога Аписа, идол которого и был отлит в виде золотого тельца.

Жрецы древнего Египта учили во время посвящения в свои Мистерии тому, что существует Один, Единый и Недосягаемый Бог, Который сначала *зачал* Вселенную Своей Мудростью, а затем *сотворил* ее своей Волей и своей Силой. Они не были ни материалистами, ни пантеистами; они учили тому, что материя не вечна и не сосуществует с Великой Первопричиной, но наоборот – сотворена Ею.

Первые христиане, воспринявшие наставления великого Основателя своей веры, то есть изначальные истины, перешедшие от древних египтян к иудеям, только в более совершенной форме, в которой им учили последние ессеи, также прошли мистерияльное посвящение; своей целью они полагали возведение духовного, символического Храма; они сохранили Священное Писание иудеев и сделали его своей священной Книгой и основным законом жизни, окутанным уже новой символической пеленой – пеленой еврейского языка и еврейских сакральных формул, которые – в ужасно искаженном виде – часто встречаются и в наших ритуалах различных градусов.

Таково, брат мой, учение первого градуса Мистерий, то есть степени Начальника Скинии, в которую ты ныне был посвящен, и нравственный урок ее состоит в том, что ты должен посвятить себя служению Богу и неустанно и бесстрастно трудиться ради блага всего человечества. Пока тебе были сообщены только самые общие, начальные положения учения Мистерий. Если тебя сочтут достойным того, чтобы следовать далее, ты узнаешь о них больше и постигнешь возвышенную суть их учения. Пока же довольствуйся тем, что уже видел и слышал, и терпеливо жди откровения великого света.

24

Prince of the Tabernacle

Князь Скинии

Символы были практически вселенски распространенным языком теологии. При помощи символов лучше и удобнее всего было обучать практически всем наукам того времени, потому что, как и сама Природа, они обращались к разуму человека через зрение; древнейшие выражения, которыми в языках народов мира обозначается религиозное знание, древнейшие символы этого знания в письменности различных народов буквально означают именно зрительное представление об этих знаниях. Этим методом наглядного преподавания пользовались первые великие учителя человечества: именно они создали систему иероглифов, обладавших неисчислимыми оттенками значения на каждом уровне восприятия. Каждый из этих иероглифов был своего рода загадкой Сфинкса, искушающей любознательного своей кажущейся простотой, но грозящей оказавшемуся неспособным разгадать ее страшными карами. «Боги сами раскрывают свои знания мудрецам, – пишет древний автор, – но для глупца они остаются непонятными». По легенде, Царский, или Дельфийский, оракул не говорил и не скрывал, а являл символы.

Древние мудрецы – и греческие, и варварские – учили своим идеям только посредством аллегорий и притч; уроки их состояли или в передаче ученикам видимых символов или в тех самых символических текстах, которые учителя Израиля считали своим священным долгом в неизменном виде передавать всем последующим поколениям. Потаенные знаки, изобретенные людьми, будь то видимые эмблемы или действия, символы или таинственные церемонии, уподоблялись для них таинственным видениям и откровениям, являвшимся во сне или в час религиозного экстаза, которые раскрывали волю и предначертания богов; в обоих случаях толкователю необходимы были острый ум и глубокие знания для того, чтобы понять их скрытое значение. Только обладая даром правильной оценки и аналогического толкования природных феноменов, предсказатель мог понять волю богов, а мудрец – извлечь из нее важные уроки.

Мистерии состояли из череды преподаваемых посвященному символов; единственное, что произносилось вслух во время посвящения, – это вспомогательные толкования тех или иных действий или зримых символов; некоторые посвятительные традиции предусматривали воплощение жрецами-актерами физических или нравственных понятий, стихий и планет, которые участвовали в разыгрываемых представлениях, символизирующих сотворение мира и его последующее развитие, а также различные события древней истории человечества; однако в основе Мистерий все равно продолжала оставаться Природа, которая сама становилась наставницей нового посвященного, используя в его обучении многоуровневую систему изобретенного людьми символизма, при помощи которого все новые и новые поколения посвященных обретали знания о природе человеческого и Божественного, а также об их взаимодействии.

Между двумя системами Знания – символизмом и философией – всегда существовала теснейшая связь, нашедшая отражение в величественных памятниках всех времен, в трудах жрецов и философов всех народов мира, в ритуалах всех тайных обществ, – существовала неразрывная цепь посвящения, основанная на единых для всего мира принципах, общих, понятных для всех, великих, истинных и изначальных, которые вместе составляли единую гармоничную научную систему.

Традиция преподавания мистериальных таинств в форме символов и аллегорий освящена седой древностью; она сохраняла свое влияние на протяжении всех прошедших веков

человеческой истории. Сам Бог использовал систему материальных образов для Откровения человечеству Своих вечных Истин; Христос также учил притчами и символами. В символах и аллегориях были воплощены и таинственные знания друидов. Талиесин, описывая свое посвящение, говорил: «Тайну мне сообщила древняя Великанша (*Серидвен*, то есть *Исида*), не говоря ни слова». И далее: «Я постиг *безмолвную тайну*».

Инициация была школой, в которой изучали истины первого Откровения, постигали единоличную природу и свойства Божества, бессмертие души, перспективу вознаграждения или кары после физической смерти, природные явления, искусства, науки, этику, философию и филантропию, законодательство и метафизику, включавшую в себя науку о животном магнетизме и прочие оккультные дисциплины.

Все идеи жрецов Индостана, Персии, Сирии, Аравии, Халдеи и Финикии были ведомы египетским жрецам. Именно рациональная философия Индии, проникнув в Египет через Халдею и Персию, породила Мистерии. Известно, что до иероглифов жрецы египетских Мистерий пользовались немногими простыми и понятными эмблемами, взятыми из растительного, животного и минерального миров, которые задолго до них использовали для выражения своих мыслей и индийцы, и персы, и халдеи; их примитивная философия легла впоследствии в основу учения Пифагора и Платона.

Все философы и законодатели, прославившие древние народы, были учениками посвященных, и все благие преобразования религиозных верований, проведенные ими, обязаны своим успехом только и исключительно существованию и широкому распространению Мистерий. Среди хаоса общепринятых народных языческих заблуждений и предрассудков только Мистерии спасли человечество от падения в пропасть полного безверия и низменных страстей. Из Мистерий извлекли свои основные идеи Зороастр и Конфуций. Клемент Александрийский пишет о Великих Мистериях: «Здесь закачивается всякое обучение. Теперь ты видел и познал Природу и все вещи ее». Если бы Мистерии обучали только нравственным истинам, они не заслуживали бы и не удостоились всех тех восхвалений, которые возносили им величайшие и образованнейшие люди того времени – Пиндар, Плутарх, Исократ, Диодор, Платон, Еврипид, Сократ, Аристофан, Цицерон, Эпиктет, Марк Аврелий и другие философы, враждебно писавшие о лицемерии общедоступных религиозных предрассудков, и историки, искавшие в прошлом Богооткровенную Истину. Мистерии обучали всем наукам; в предельно краткой и сжатой форме они наставляли в устных и письменных священных традициях мира.

Сократ говорит в платоновском диалоге «Федон»: «Ясно, что учредившие Мистерии, или тайные собрания посвященных, отнюдь не были людьми, достойными презрения, но напротив – людьми высшего гения, стремившимися в древности научить нас посредством загадок тому, что всякий осмелившийся вступить в обитель незримого без предварительного очищения будет низринут в бездну, а тот, кто вступает в нее, сперва очистившись от грязи этого мира и будучи совершенен в добродетели, будет допущен в обитель Бога... Посвященные, без сомнения, будут допущены в сонм богов...»

Претекстат, проконсул Ахеи, человек, наделенный всеми возможными добродетелями, писал в IV в., что лишить греков священных Мистерий, связывавших воедино весь человеческий род, значило бы сделать земную жизнь невыносимой.

Инициация означала мистическую смерть посвящаемого; это было его нисхождение в подземный мир, где огонь и вода очищали его от всей грязи, от всего несовершенства порочной и нечистой земной жизни; после этого считалось, что он стал истинным *эпонтием*, *воскресшим* и *заново рожденным*, восставшим из мира теней для *новой жизни, света и чистоты*; отныне он находился под защитой и опекой Всевышнего Бога.

Для осуществления наставлений в этих Мистериях был изобретен новый иероглифический язык, ведомый только посвященным в высшие таинства. Только они являлись

хранителями знания в его полном объеме, и в их руках была духовная и политическая власть над теми народами, в среде которых были распространены Мистерии. Знание потаенного смысла иероглифов настолько тщательно скрывалось жрецами высшего посвящения от основной массы народа и даже посвященных низших степеней, что с течением времени это знание было утрачено, просто умерло вместе с посвященными, и иероглифы более уже не были понятны никому. Даже если одни и те же иероглифы использовались для изложения знания низших и высших степеней, в высших степенях у них было более глубокое, иное, чем в низших, значение. В более поздние времена родилось предание о том, что священный язык иероглифов был тем же самым языком, на котором разговаривали небесные боги. К рассказам о посвящении в Мистерии добавлялись все новые и новые подробности, так что со временем они обросли целым пластом легенд, которые одновременно окружали посвящение ореолом таинственной притягательности и отпугивали от него обещанием ужасных, буквально леденящих кровь испытаний. Вскоре посвящение в Мистерии и самую мучительную смерть стали называть одним и тем же словом.

Жрецам принадлежала треть всего Египта. Мистерии помогли им обрести все эти богатства и влияние, и они не жалели никаких средств на то, чтобы всех убедить в своей значительности. Они внушали всем мысль о том, что Мистерии служат началом новой жизни в обители Разума и Истины; посвященные, эзотерические Ученики, получали знания, которые наполняли их самыми радостными надеждами на жизнь после физической смерти, на Жизнь Вечную, на познание всех таинств Природы, на возрождение души в первоначальной чистоте, утраченной ею во время Грехопадения, на вознесение после смерти тела в обитель небесных богов и вечное пребывание там впредь. Особое место в учении Мистерий занимало положение о посмертных вознаграждении или каре; также они учили пути обретения огромного счастья во время земной жизни и спасения от всевозможных напастей на суше и на море. Отказавшиеся от посвящения подвергались всеобщему осуждению. Их считали профанами, не заслуживающими высокого общественного поста и личного доверия людей; зачастую их даже подвергали наказанию как безбожников. Предать огласке тайны Мистерий, играть на сцене в облачении посвященного или подвергнуть ритуалы посвящения осмеянию значило обречь себя на мучительную смерть от руки палача или народного мстителя.

Мистерии даже ко времени Цицерона еще определенно сохранили отчасти свои первоначальные чистоту и святость. И даже значительно позже, как нам известно, Нерон, совершив ужасное преступление, не решился принять участие в очередном празднестве посвященных в Мистерии; а еще позже в участии в Мистериях было отказано христианскому императору Константину, который был виновен в убийстве родственников.

Практически повсеместно и во всех разнообразных формах Мистерии носили погребальный характер и были посвящены торжеству мистической смерти и последующего воскресения того или иного легендарного персонажа к новой жизни, только обстоятельства смерти и подробности легенды были разными в разных странах, где практиковались Мистерии.

Толкование этих легенд относится к области астрономии и мифологии, и легенда степени Мастера является одним из вариантов этих бесчисленных легенд, берущих начало в седой древности.

Уже невозможно со всей определенностью сказать, родилась ли эта начальная легенда в Египте или тамошние жрецы позаимствовали ее из Индии. Но ясно, что древние иудеи восприняли свою мудрость из Египта, и легенду они обрели *в той форме*, в которой она была ведома египетским жрецам и их посвященным ученикам Иосифу и Моисею. Это была притча (а скорее, *истина*, сокрытая под аллегориями и иносказаниями) об **Осирисе** – Солнце, Источнике Света и Первопринципе Добра, и **Тифоне** – Первопринципе Тьмы и Зла. Во всех преданиях о богах и героях можно найти описание принципов устройства Вселенной и ее

явлений, а они, в свою очередь, являются символами явлений и проводниками истин гораздо более высокого порядка. Только самые грубые и недалекие умы могут считать реальные Солнце и звезды силами Божественной природы, достойными поклонения человека; *они* до скончания веков будут полагать таковыми простые природные явления; им никогда не узнать и не усвоить те великие и неизменные истины, эмблемами и аллегориями которых вышеупомянутые феномены в действительности являются.

Краткое изложение первичной египетской легенды поможет тебе разобраться в учении, легшем в основу Мистерий древних иудеев.

По легенде, Осирис – олицетворение Солнца – был древнейшим царем Египта, а Исида – Луна – его супругой. История жизни Осириса представляет собой поэтическое, аллегорическое повествование о небесном прохождении Солнцем поочередно всех знаков Зодиака.

В отсутствие Осириса Тифон, его брат, исполнившись зависти и злобы, хотел захватить его власть и занять его престол, но Исида расстроила его планы. И тогда он решил убить Осириса. Он уговорил брата лечь в гроб, или саркофаг, который после этого заколотил и бросил в Нил. После долгих поисков Исида нашла тело возлюбленного мужа и спрятала его глубоко в лесной чаще, но Тифон нашел его там и разрубил на четырнадцать кусков, которые разбросал по всему миру. После новых долгих поисков Исида собрала тринадцать из них, а четырнадцатый – детородный орган – к тому времени уже успели съесть рыбы; тогда она заменила отсутствующую часть деревянной и погребла тело в Филах, а над гробницей воздвигла поражающий своим величием храм.

С помощью своего сына Гора (Ора, Хар-ери) Исида повела войну с Тифоном, умертвила его и начала править сама, а после смерти воссоединилась с мужем в небесном чертоге.

Тифон, по легенде, родился и жил на Земле; головой он достигал неба, верхняя часть его тела была покрыта перьями, а руки и ногичешуей, во все стороны от него расползались змеи, а изо рта полыхало пламя. Гор, помогший убить его, стал богом Солнца, именуемым греками Аполлоном, а имя убитого Аполлоном змея – Пифон (Python), – это анаграмма имени Тифона (Typhon).

Имя Тифона, как и имя Евы, означает и «змея», и «жизнь».¹ Символом жизни змея заставляет быть форма его тела, потому что жизнь так же пронизывает всю Природу, как змея, извиваясь, ползет в траве. Когда в конце осени Женщина (созвездие Девы) на халдейском изображении небесной сферы раздавливает ногой голову Змея, это означает скорый приход зимы, когда все живое словно лишается жизни и сама жизнь перестает циркулировать во Вселенной. Поэтому Змей также символизирует Тифона и зиму; в католических храмах Змей кольцом обвивает земной шар, а над ним царит небесный крест – эмблема искупления грехов. Если принять версию, что имя Тифон происходит от слова «*тупол*», то значит, оно определяет также яблоню, рождающую яблоки, то есть символы порока, приведшего, по иудейской легенде, к грехопадению первых людей. Также имя Тифона означает «тот, кто сдался» и символизирует наши страсти, отдаваясь на милость которых, мы изгоняем из своего ума и сердца уроки мудрости. Древнеегипетская легенда гласит, что Исида в свое время начертала на камне священное слово, содержащее в себе всю мудрость мира, для того чтобы люди постигли ее, но не успела она это сделать, как Тифон стер его. С точки зрения эзотерической этики, его имя также означает *гордыню*, *невежество* и *ложь*.

Исида сумела найти тело супруга в первый раз потому только, что, когда оно проплывало по Нилу мимо города Библоса, на берегу в мгновение ока вырос побег *эрики*, или тамариска, который зацепился за ковчег с телом, и его вынесло на берег; от этого побега произошел наш символ акациевой ветви. В поисках Исиде помогал Анубис, бог в образе пса. Он олицетворял Сириус, Звезду Пса, и был другом и советником Осириса, изобретателем человеческого языка, грамматики, астрономии, землемерного искусства, арифметики, музыки и медицины, первым законодателем; он научил людей вере в богов и строительству храмов.

В Мистериях заключение тела Осириса в саркофаг, или ковчег, называлось *афания*, то есть «исчезновение» (имелось в виду исчезновение Солнца за тропиком Козерога в день зимнего солнцестояния), а обретение Исидой тринадцати частей его тела – *эурез*, то есть «находка». Во всех Мистериях практически всех стран древнего мира кандидат во время посвящения повторял путь солнечного бога во всех подробностях. Основные события притчи ничем не отличались одно от другого в разных странах, а главные боги повсюду составляли супружескую пару – муж и жена.

В Египте это были Осирис и Исида, в Индии – Махадэва и Бхавани, в Финикии – Таммуз (или Адонис) и Астарта, во Фригии – Аттис и Кибела, в Персии – Митра и Асис, в Самофракии и Греции – Дионис (или Сабазий) и Рея, в Британии – Ху и Серидвен, в Скандинавии – Вотан и Фрея; во всех вышеперечисленных случаях супружеская пара богов олицетворяла союз Солнца и Луны.

Мистерии Осириса, Исиды и Гора, без сомнения, послужили образцом, согласно которому учреждались все остальные Мистерии в различных странах древнего мира. Их в точности копировали Мистерии Аттиса и Кибелы во Фригии, Цереры и Прозерпины – в Элевсине и множестве других областей Греции. Об этом пишут Плутарх, Диодор Сицилийский, Лактанций и другие авторы, а в отсутствие прямых свидетельств нам следует обратить внимание на сходство легендарных походов и трагических кончин всех мистерийных богов; древние учили тому, что греческая Церера – это та же самая богиня, что и египетская Исида, а Дионис (или Вакх) – тот же самый бог, что и Осирис.

Излагая легенду об Осирисе и Исиде, Плутарх приводит множество незначительных подробностей и косвенных обстоятельств происходивших в ней событий, которые нам не имеет смысла приводить в данном труде, за исключением некоторых наиболее значимых. Осирис женился на своей сестре Исиде и совместно с ней трудился во имя улучшения жизни и облегчения удела людей. Осирис обучил их сельскому хозяйству, а Исида придумала для них законы. Осирис построил первые храмы и научил людей вере в богов. Оба они покровительствовали ученым и всем плодам их раздумий. Осирис также научил людей обрабатывать железо и делать из него оружие для защиты и орудия труда – для обработки земли, а из золота – украшения для храмов богов. Потом он возглавил египетскую армию, которая завоевывала новые земли и покоряла окрестные народы, неся им цивилизацию, а он повсюду учил людей растить виноград и пшеницу и питаться ими.

Тифон, брат его, убил Осириса, когда Солнце пребывало в знаке Скорпиона, то есть в период осеннего равноденствия. Синезий пишет, что двое братьев боролись за трон Египта точь-в-точь так же, как Свет и Тьма борются за власть над миром. Плутарх добавляет, что Осирис был убит в полнолуние, а это значит, что Луна тогда пребывала в знаке Зодиака, противоположном Скорпиону, то есть в Тельце, знаке весеннего равноденствия.

Плутарх утверждает, что именно для увековечения этих событий Исида учредила Мистерии, в которых все происшедшее было представлено в виде символов, аллегорий и религиозных церемоний, посредством которых и проходило обучение посвященных всем таинствам, вселявшим в их сердца надежду на лучшую жизнь после физической смерти, а также умиротворение и силы выдержать все испытания, которые Небеса посылают нам на протяжении нашего земного существования. Жрецы, учредившие эти Мистерии, стремились вдохнуть в своих учеников надежды на более достойный и счастливый удел в Жизни Грядущей в противовес полной горестей земной жизни, и наставления в божественной науке проходили в форме торжественных религиозных церемоний, зримых символов и словесных аллегорий.

Диодор пишет о знаменитых колоннах у города Низы в Аравии, о которых говорили, что двумя из них обозначены могилы Осириса и Исиды. На одной из них было начертано: «Я Исида, царица сей страны. Я училась у Меркурия. Никому не под силу уничтожить законы,

утвержденные мной. Я старшая дочь Сатурна, старейшего из богов. Я жена и сестра царя Осириса. Я первой научила смертных растить пшеницу. Я мать царя Гора. В мою честь возведен город Бубаст. Радуйся, Египет, радуйся, земля, давшая мне жизнь!» А на другой колонне было начертано: «Я царь Осирис, проводивший свои армии по всем странам света, дошедший с ними до густонаселенной страны Индии, до Севера, до Дуная и до Океана. Я старший сын Сатурна, я родился из сияющего огромного яйца, и тело мое состоит из того же, из чего состоит свет. Нет такого места во Вселенной, где я не явился бы и куда я не рассеял бы своей милости, и где бы я не учил своей мудрости...» Остальное прочесть не удалось.

Для того чтобы он помог ей в поисках останков Осириса и в ее отсутствие присматривал за младенцем Гором, Исида пригласила Анубиса, сына Осириса и его сестры Нефтиды. Как мы уже говорили, он олицетворял Сириус, самую яркую звезду на небосклоне. Заручившись его помощью, она отправилась в Библос, где уселась у ручья и стала ждать знамения свыше, и оно не замедлило явиться, сообщив, что тело ее возлюбленного мужа находится в саркофаге, который течение выбросило на берег Нила. Она пошла на берег и склонилась над ковчегом в молчании и горе, проливая нескончаемые потоки слез. Вскоре на берег пришли служанки царицы Астарты, и Исида говорила с ними, и причесывала им волосы, поливая их ароматной амброзией. Когда царица узнала о горе Исиды, она взяла ее в свой дворец, где несчастная вдова стала ухаживать за царским сыном. Одна из колонн царского дворца была сделана из эрики, или тамариска, который вырос из того побега, благодаря которому тело Осириса было вынесено на берег Нила. С тех пор тамариск разросся, обволакивая ковчег с телом, так что совершенно скрыл его, а потом дерево срубили слуги царя, который ничего не знал о смерти Осириса и потому приказал сделать из ствола дерева колонну. Так саркофаг Осириса оказался внутри колонны царского дворца. Некоторое время спустя Исида выпросила у царя эту колонну, вынула из нее ковчег с телом супруга, извлекла Осириса из него, обернула тонкими материями и, умастив благовониями, унесла с собой.

Голубое масонство, не подозревая о потаенном символизме этой картины, до сих пор считает одной из своих эмблем изображение женщины с побегом акации, мирта или тамариска в руке, рыдающей над разбитой колонной, в то время как фигура, которую принято называть Временем, стоит у нее за спиной и вычесывает щепки из ее волос. Не будем приводить здесь высосанные из пальца толкования этой аллегии, которые обычно предлагаются братьям символических градусов, а прямо скажем, что на этой картине изображена *Исида*, рыдающая в Библосе над колонной из царского дворца, в которой спрятано тело мужа ее Осириса, а за спиной ее стоит Гор, ее сын, действительно воплощение Времени, поливающий ее волосы амброзией.

Ни одно из описанных здесь событий не является историческим; напротив, все они суть части притчи, или образного священного повествования, тайный смысл которого известен только прошедшим посвящение в Мистерии. Все описанные события имели также и второе, еще более тайное, астрономическое значение, которое таким образом оказывалось скрыто за двойной символической пеленой. Мистерии, в которых рассказывали об этих событиях и толковали их, своими целями напоминали Элевсинские Мистерии, о которых Павсаний, также бывший посвященным в них, писал, что с древнейших времен греки считали их лучшим из всего, что изобрело человечество для обучения истинной вере; Аристотель называет Мистерии наилучшими и самыми совершенными религиозными учреждениями всех времен; Элевсинский Храм Мистерий в свое время действительно был общим храмом для всех народов Земли, объединив все самое лучшее, возвышенное и достойное, что было в религиозной мысли того времени.

Главной целью всех мистерий было научить людей истинной вере и примирить их с тяготами земного существования. Это примирение и умиротворение было связано у посвя-

ценных с надеждами на лучшую, светлую Жизнь Грядущую в обители вечного счастья, куда они перенесутся сразу после физической смерти.

Цицерон пишет, что посвященные не только получали знания, делавшие жизнь гораздо более терпимой и легкой, но также и извлекали из них уроки примирения с самой смертью. Сократ пишет, что счастливые, допущенные к посвящению в Мистерии, в момент смерти согревались счастливыми надеждами на бессмертие. Аристотель пишет, что Мистерии не только даровали посвященным успокоение на всю земную жизнь и способ избавления от бремени всяческого зла и всех грехов, но и надежды на перемещение после смерти в мир вечного счастья.

Исида была богиней города Саиса, и знаменитый Праздник Огней был посвящен там именно ей. Там существовали Мистерии, в которых обыгрывались смерть Осириса и его последующее возрождение к новой жизни. Тайные Мистерии, повествующие о страданиях Осириса, назывались Мистериями Ночи.

Цари Египта часто исполняли жреческие обязанности; они бывали посвящены в таинства Мистерий, как только вступали на престол. Так, гражданский правитель Афин – судья-архонт – также возглавлял отправление мистерияльного культа. В те времена существовало неразрывное единство жречества и гражданской власти, а цари и законодатели искали поддержки жрецов, которых считали огромной силы политическим орудием.

Геродот пишет, рассуждая о том, почему египтяне обожествляли животных: «Собираясь я разъяснить причины этого, мне пришлось бы раскрыть священные тайны, которые я всячески избегаю раскрывать и о которых мне вообще не следовало упоминать, не будь я побужден к этому острой необходимостью». И далее: «В Саисе у египтян пользуется большим почитанием могила одного лица, имя которого мне, наверное, не позволено раскрыть. Она находится за храмом Минервы». (Эта богиня в действительности была Исидой, которой принадлежит известное высказывание: «Я та, что была, есть и будет. Никто еще не посмел разоблачить меня».) И еще он пишет: «В этом озере в видимых образах представлены те несчастья, которые пришлось претерпеть тому, кого я не имею права назвать по имени. Египтяне называют их Мистериями. О них я могу сказать, что, признавая, что я достаточно много знаю о них, я обязан вместе с тем хранить полное молчание. Также и о церемониях в честь Цереры я не могу сказать больше, чем позволяет мне клятва религиозной преданности».

Легко понять, какова была основная цель мистерияльного посвящения в то время: все историки древности свидетельствуют, что их первой и главной целью было принести цивилизацию диким племенам, смягчить их жестокие и грубые нравы, научить их устройству общества и позволить им вступить на путь, более приличествующий человеку. Цицерон считает учреждение Элевсинских Мистерий величайшим из всех даров цивилизации, принесенных народам мира Афинами, потому что, по его мнению, Мистерии несли людям благородство нравов, смягчали их жестокость и грубость, учили их принципам истинной нравственности, *наставляющей* человека в том образе жизни, который и только который достоин его. Тот же философ и оратор в речи, посвященной Церере и Прозерпине, утверждает, что человечество именно этим богиням обязано первыми уроками праведной жизни и средствами продления жизни земной, уроками законов, общественной морали и самой цивилизации, которая значительно улучшила жизнь как отдельных людей, так и целых городов.

У Еврипида Вакх говорит Пенфею, что его новое предприятие (учреждение Дионисийских Мистерий) заслуживает внимания потому, что участие в нем подразумевает очищение человека от всякой нечистоты, что это настоящие Мистерии Мудрости, говорить о сути которых с непосвященным негоже, что учреждены они были среди варваров, которые, пройдя посвящение, определенно стали даже мудрее и образованнее греков.

Также двойную цель – политическую и религиозную, – то есть обучение исполнению долга перед своими ближними и перед Богом, а точнее, обучение почитанию богов, которое

неизменно приведет к почитанию людских законов, – преследовал Вергилий в своем стихотворении, которое он совершенно очевидно позаимствовал из культа Мистерий: «Научи меня почитать справедливость и богов!» Этот великий урок, преподававшийся иерофантом посвященным после того, как им показали в ходе инициации Царство Теней, поэт помещает в своем произведении после описания страшных мук, которым подвергаются души умерших в темном Тартаре, сразу после повествования о Сизифе.

Это же соображение приводит и Павсаний сразу после описания страданий Сизифа и дочерей Даная в дельфийском храме; примечательно, что он определяет грех безверия, за который они были так наказаны, как презрение к Элевсинским Мистериям. Из этого утверждения Павсания, который сам был посвященным, становится ясно, что жрецы Мистерий, учившие вечным посмертным мукам грешников в Тартаре, считали сами и заставляли своих учеников считать одним из самых страшных прегрешений именно неуважение к Мистериям, которое, с их точки зрения, было равно безверию; целью же Мистерий было привести человека к вере в богов, а следовательно, к почтению к законам общества и понятию о справедливости; этой цели были подчинены все Мистерии, и к ней же были приспособлены их религиозные учения и соответствующие церемонии, ибо религия здесь находилась в полном подчинении у нравственного закона и интересов общества; ведь пока религиозные воззрения народа находятся в руках мудрых законодателей, созданные ими законы остаются нерушимы и уважаемы всеми гражданами.

Мистерии были не просто бездумным воспроизведением тех или иных мифологических событий в ходе раз и навсегда установленных и неизменных церемоний; они не стремились воскресить в памяти народа жизнь человеческого рода до обретения им цивилизации; наоборот, они вели человечество вперед по пути веры в богов и надежды на жизнь после физической смерти; именно эти идеи лежали в основе мистерийных церемоний чуть ли не с самого начала их развития.

В ходе мистерийного посвящения часто использовались символы, относящиеся к области сельского хозяйства. Так и масонство сохранило среди своих символов и проходных слов пшеничный колос. Но в основном эти символы имели астрономический смысл. Без сомнения, в Мистериях много говорилось о том, в какой бездне невежества и грубости пребывало человечество до учреждения культа Мистерий, но здесь, скорее всего, метафизически имелось в виду невежество непосвященного в сакральные таинства, а не общая грубость нравов первобытных людей.

Главная цель посвящения в Мистерии Иисиды, да, в сущности, и во все остальные Мистерии, была великой, важной и строго политической. Она состояла в совершенствовании человеческих нравов и нравственности в целом и установлении в людском обществе взаимных связей, более прочных, чем позволяют установить изобретенные людьми законы. Они были изобретены древней наукой и политической мудростью, которые исчерпали свои силы в бесплодных попытках сделать совершенными общественное законодательство, а также философией, вечно стремящейся сделать жизнь человека счастливой, очистив его душу от страстей, томящих ее, приводя в конечном счете к общественным беспорядкам. А то, что изобретены они были истинным гением, становится очевидным из того, что они включили в себя все науки и все искусства, тонкое знание и понимание человеческой души и средства ее наставления и подчинения высшей цели.

Огромной ошибкой стало бы считать, что Мистерии были изобретены какими-то шарлатанами, для того чтобы обманывать простодушных. Со временем, конечно, они могли деградировать и превратиться в школы ложных идей, преподаваемых самозванцами; но не таковы они были вначале; иначе придется считать величайших и достойнейших мудрецов античности бессовестными лжецами. Со временем образы Мистерий – Тартар и муки грешников после смерти, Минос и остальные судьи мертвых, – стали толковаться неверно, а в

силу этого перешли в разряд ложных идей; но в период зарождения Мистерий-то они были истинны, потому что тогда их толковали только как формы откровения Истины!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.